

ДУГЛАС

КОУПЛЕНД

18+

ПОКА ПОДРУЖКА
В КОМЕ

Дуглас Коупленд
Пока подружка в коме
Серия «Чак Паланик и
его бойцовский клуб»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127008

Пока подружка в коме: Издательство «Симпозиум»; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-105313-0

Аннотация

Конец света подкрался незаметно.

И, честно говоря, очень вовремя...

Такова основная мысль самого постмодернистского романа Дугласа Коупленда, о котором критики писали: «Сюжет, достойный Воннегута, автор изложил в саркастической манере Брета Истона Эллиса».

Реальность, фантастика и гротеск переплетаются в этом непростом и очень занятом произведении настолько тесно, что подобрать для него жанровое определение очень трудно. Его можно назвать ироничной антиутопией, социальной сатирой, интеллектуальной фантастикой и даже «романом взросления», но для читателя важнее другое: от этой книги просто невозможно оторваться.

Содержание

Часть I	4
1. Все идеи верны	4
2. Все идеи ложны	9
3. То, что спит, еще живо	23
4. Это все обман	43
5. Ни секса, ни денег, ни свободы	55
6. Одиночество – это забавно	65
7. Если ты думаешь о будущем, значит, ты чего-то хочешь	78
8. Земная печаль	93
9. Еще более реально, чем ты сам	106
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дуглас Коупленд

Пока подружка в коме

Часть I

1. Все идеи верны

Меня зовут Джаред, я – призрак.

Четырнадцатого октября 1978 года, в пятницу, я играл в составе нашей школьной футбольной команды – «Спартак гарде». Это была выездная игра, в другой школе – Хэндсворт, в Северном Ванкувере. В самом начале мне дали пас, и я, обернувшись принять его, сам не знаю, с чего вдруг, отметил про себя, что небо чистое-чистое, прозрачно-голубое – как только что вымытое оконное стекло. В этот миг я и вырубился. По всей видимости, пас я прошляпил, что было дальше – не помню, хотя уже потом мне рассказали, что тренеры остановили игру. Вот это уже было просто глупо: ведь мы явно давили их, и впереди светило повторение позапрошлого года разгрома, учиненного нашей командой над тем же соперником.

Но – за те несколько часов, что прошли с моего упущенного паса до пробуждения в больнице Лайонс Гейт, мне был

поставлен диагноз: лейкемия, что значит – рак костного мозга, а следовательно, и крови. Ровно через три месяца, четырнадцатого января 1979 года, я умер. Болезнь прогрессировала невероятно быстро. Перед смертью я облысел, а кожа моя приобрела цвет давно не мытой белой машины. Будь у меня возможность прожить все это заново, я бы обязательно поубирал подальше все зеркала месяца за полтора до конца.

У меня была счастливая, наполненная и – короткая жизнь; земной мир был ко мне благосклонен, а поединок с лейкемией стал моим Испытанием. Это, разумеется, если не считать оргии с Черил Андерсон, когда ее предки затеяли ремонт и все семейство перебралось на недельку в мотель. Но это так, к слову, а вообще-то я уверен, что человек, в жизни которого не было Испытания, прожил ее напрасно. Испытание вовсе не обязательно подразумевает особый героизм или мученическую смерть, и даже не обязано включать в себя Черил Андерсон; нередко тихая одинокая жизнь сама по себе становится Испытанием. А еще я вам вот что скажу: больницы – это настоящий магнит для девчонок. Моя палата очень быстро превратилась в выставку букетов, всякого печенья и вязаных штучек, не говоря уже о самих девчонках, которые перед визитом ко мне (и небезуспешно) не один час наводили красоту. Таково уж дурацкое устройство мира, что я был слишком слаб и не мог должным образом воспользоваться поступавшими на мое имя вагонами всяких Бетти и Вероник; исключение – все та же бесстыжая Черил Андер-

сон, предоставившая мне «мануальную терапию» в тот день, когда у меня вылезли брови; за вышеназванным мероприятием последовали горючие слезы и шелканье «полароидом», где я остался запечатленным в вязаной девчоночьей шапочке. Сплошные слюни.

Но пора обратно, сюда, где я сейчас, в конец света.

Да, мир кончился. То есть он еще есть, но ему конец. Я – у конца света. Пылинка на ветру. Конец мира, как мы его себе представляем. Yet another brick in the wall¹. Звучит солидно и торжественно, но на самом деле здесь все не так. Мрачно, уныло и тихо, пахнет так, словно в полумиле отсюда горят автомобильные шины.

Давайте-ка я опишу вам недвижимость, что еще сохранилась до сего дня – спустя год после того, как мир кончился. Во-первых, безмолвие – ни шума машин, ни голосов, ни музыки. Театральные занавесы истерты и истрепаны, как выношенные сверх меры рубашки. Бесконечные колонны легковых машин, грузовиков и автобусов оседлали плечи дорог, груженные скорбной поклажей – истлевшими скелетами. По всему миру падают и обрушиваются внутрь себя дома; пианино, подушки, микроволновые печи проваливаются сквозь этажи, обнажая деньги и любовные письма, спрятанные в тайниках под полами. У лекарств и продуктов по большей части вышел срок годности. Мир снаружи терзают дожди и время от времени освещают молнии. Конечно, вез-

¹ Еще один кирпич в стене (англ.).

де полыхают пожары, а погода становится все более непредсказуемой.

В пригородах, вроде тех, где я вырос, улицы растворяются в быстро наступающей растительности; вьюнки и лианы опутывают дороги, не тревожимые больше шинами «шевроле-камаро». Беззвучно провисают струны теннисных ракеток, убранных в темные шкафы. Десять миллионов картин падают с десяти миллионов стен; с дорожных знаков слезает краска, они покрываются ржавчиной. Бродят стаи голодных собак.

Попавший сейчас на Землю увидел бы уснувшее вечным сном тысячелетие торжества машин и механизмов. Соборы рушатся столь же легко, как биржи.

Лишенные энергии затонувшие подводные лодки льнут ко дну, и ближайший миллиард лет им предстоит лишь копить на себе морской ил. Снег в городах не убран, лежит сугробами; молчат музыкальные автоматы в кафе и барах; классные доски навек остались исписанными. Не закрыты компьютерные программы и базы данных; провода свисают со столбов, словно длинные волосы.

Но как меня-то сюда занесло? И сколько мне еще тут околачиваться? Чтобы узнать это, придется поговорить о моих друзьях. Они тоже здесь – где кончается мир. Они тоже оказались в этом самом месте – мои друзья, которые выросли все то время, что я оставался молодым.

Вопрос: поступил бы я так же снова? Несомненно. Хотя

бы потому, что на этом пути я чему-то научился. Большинство людей ничему не учатся на своем пути. А если им и удастся во что-то въехать, они имеют обыкновение забывать выученное, когда это оказывается выгоднее. Большинство, даже получив второй шанс, благополучно похеривает его. Это – один из основополагающих законов мироздания, и ничего ты тут не поделаешь. Люди, я это сам заметил, умудряются почти ни во что не врубиться и с третьего раза, уже потратив понапрасну огромное количество времени, денег, энергии, большую часть молодости, да и всего остального – сами можете перечислить. И все-таки они чему-то учатся, что в конце концов просто замечательно.

Вот вам история моих друзей, которые наконец усвоили предназначавшийся им урок. Мои друзья – это Карен, Ричард, Пэм, Гамильтон, Венди и Лайнус. Ричард – лучший рассказчик в этой компании, так что дадим ему слово первому. Нет, у Карен получилось бы лучше, но она сама не так много была на Земле. *C'est la vie*². Но Ричард будет вести свой рассказ только до поры до времени. В какой-то момент эта история перерастет его, охватит всех их. А в конце это будет уже *моя* история. Впрочем, до этого мы доберемся еще не скоро.

Предназначение – вот то, что мы пытаемся обрести. Будущее еще не наступило. Покорность року – это удел лохов.
18-25-32... *Двинули!*

² Такова жизнь (фр.)

2. Все идеи ложны

Мы с Карен лишили друг дружку невинности на вершине горы Гроуз, у лыжного склона, среди кедровых стволов, на ложе из кристального снега, под сверкавшими, как далекие фонарики, звездами. Декабрьский вечер был настолько морозен и ясен, что воздух походил скорее на лунную атмосферу – он словно выжигал легкие изнутри; насыщенный ментолом, он был по-медицински стерилен; в нем едва угадывались запахи озона, цинка, лыжной мази и клубничного шампуня Карен.

Здесь я вернусь к той первой трещинке в скорлупе времени, к тому мигу, когда я был поистине счастлив. Я сам, да и остальные пустоголовые подростки, не верующие, не безбожники, – сторающие от вожделения на вершине черной горы, нависшей над расцветенным огнями городом, городом столь юным, что его грезы и сны ведомы лишь эмбриону в утробе, городом, в чьем мерцающем сиянии виделись всеобщий мир и покой, надежда на что-то в будущем. И вот я снова там, на вершине: *Карен, что ты увидела? Почему нам не дано было знать? Почему ты... почему мы?*

* * *

В тот вечер – 15 декабря 1979 года – Карен просто насто-

яла, чтобы мы дошли до самого конца.

«Ричард, будем мы наконец... или как?» – спросила она, а затем, взобравшись на сугроб в форме женской груди посреди трассы для могула, расстегнула молнию на комбине-зоне. А потом потащила меня в лес, где повалила в скрипучий снег, настолько холодный, что в нем замерзли бы даже снежные ангелы. Я ощущал себя совсем мальчишкой, она же казалась такой взрослой! Она притянула меня к себе так настойчиво и требовательно, словно вот-вот должна начаться война и нас тотчас же отправят на фронт. И вот мы лежим в снегу, страсть заставляет бешено колотиться наши тела, наш разум – словно перегревшийся игральный автомат, что, обездумев, безостановочно, с лязгом отсчитывает серебряные доллары, рубины и конфеты. Словно вот-вот наступит конец света, а то небольшое время, которое еще осталось, нужно немедленно промотать, растратить на удовольствия, на то, чтобы насладиться тончайшей пульсацией прохладных сухих лепестков цветущей вишни, пронесившихся в такт движению между нашими телами.

А потом – снежинки набились нам в штаны, пролезли под белье и дальше, остужая и вымораживая только что горевшие места, и вот мы уже, наскоро застегнувшись, со свистом несемся по склону к подъемнику. «Ричард, давай в пятнашки! Ты водишь!»

Румяные, чуть смущенные, вновь и вновь переживая про себя только что испытанные телесные ощущения, преобра-

жившие нас обоих, мы влезли на подъемник, который, размеренно покачиваясь, в очередной раз потащил нас вверх по склону и вдруг – взял да и остановился на полдороге. Тут и фонари, освещавшие трассу, заморгали, затем начали выцветать, а затем и вовсе погасли. Мы с Карен остались болтаться в воздухе, зависли, так сказать, на лоне природы, – с джинсово-голубыми в лунном свете лицами. Карен достала из пачки сигарету, и в отблесках язычка пламени биковской зажигалки ее скуластое румяное лицо зажглось нежно-розовым светом, как у куклы в горящем кукольном домике. Я положил руку на ее плечо; вдвоем мы чувствовали себя спокойно и надежно, словно мы – плывущая в небе Солнечная система, теплые, живые планеты посреди полной звезд Вселенной.

Я спросил у Карен – которая тоже как раз пыталась оценить степень значимости того, что только что произошло между нами там, в лесу, – счастлива ли она. Уже потом, намного позднее, я уяснил для себя, что задавать этот вопрос вообще никогда не стоит. Но Карен улыбнулась, затем усмехнулась и с силой выдохнула в синюю темноту струйку дыма. Я почему-то представил себе драгоценности, выброшенные за борт корабля над Марианской впадиной, исчезающие навсегда. Затем она отвернулась и стала вглядываться в лес по правую руку от трассы; деревья вырисовывались в темноте лишь полосой более густого оттенка черного цвета. Мне вдруг стало ясно, что с нею что-то не то, я ощутил это, как

если бы Карен была книгой, читая которую, я вдруг обнаружил, что кто-то вырвал самые важные страницы. Она прикусила нижнюю губу, нахмурилась.

А потом она чуть заметно, как бы смущаясь, вздрогнула, словно попытавшись завести свою «хонду-сивик» ключом от квартиры.

Меня вдруг осенило: да ведь Карен сегодня весь день какая-то не такая. Она словно не здесь, время от времени ее внимание застревает на какой-то ерунде вроде дискового телефона оливкового цвета на кухне у моих родителей или букета дурацких гладиолусов там же на столе: «Ой, правда, как красиво...» – а затем она снова выпадает куда-то. А еще она весь день смотрела на небо, причем не просто глазела, а останавливалась, задирала голову и подолгу всматривалась в облака, словно их ей показывали как кино, на огромном экране.

Плечи Карен чуть согнулись под моей рукой, лицо едва заметно напряглось и посерьезнело. Я сказал:

– Ну что ты... думаешь, не стоило? Брось, ты же знаешь, как я... как я тебя...

А она ответила:

– Да о чем ты, Ричард? Я тоже люблю тебя... дурака. Все в порядке, просто я здорово замерзла, а еще я хочу, чтобы поскорее починили свет. Вот и все, Беб.

Она так называла меня. «Беб» – это такое сопливо-сюсюкающее сокращение от «бэби».

Обступившая нас темнота пугала ее. Карен вдруг оттянула край моей лыжной шапки и поцеловала меня прямо в ледяное, почти восковое ухо. Тогда я крепче обнял ее и вновь спросил, что случилось, потому что ее явно что-то беспокоило.

– Знаешь, Ричард, – сказала она, – мне в последнее время снятся очень странные сны. В них все совсем как наяву... Наверное, чушь все это. В общем, и говорить не о чем. Забыли, согласен?

Карен покачала головой и выпустила в воздух облачко табачного дыма, который тотчас же сплелся в паутину на фоне черного неба. Посмотрев на вышки подъемника с закрепленными на них фонарями, бессильными в тот миг разорвать ночь и залить склон светом искусственного солнца, она резко сменила тему:

– Видел, в каких штанах явилась сегодня Донна Килбрук? Такие узкие – просто смотреть страшно. Между ног все видно. Ужас! В общем, об этом тоже лучше забыть.

– Слушай, Биб, ты мне зубы не заговаривай, – сказал я неожиданно резко и тотчас же разозлился на себя за это.

Я вырослел и дорос уже до того состояния, когда короткие, пусть и остроумные, как мне казалось, реплики перестали быть тем единственным и достаточным языковым средством, с помощью которого можно поддерживать разговор на любую тему. Мы с Карен вообще редко говорили по-настоящему серьезно. Пожалуй, ближе всего сокровенные

мысли друг друга открывались нам во время дурацких дискуссий на занятиях по философии – а это, как вы понимаете, не совсем то. Многословность – это лишь защитная броня юности. А нам уже начинало не хватать настоящей работы мысли. Я решил во что бы то ни стало докопаться до сути ее переживаний.

– Ну, брось... Расскажи, что там у тебя. Пожалуйста.

– Не буду. Извини, Беб. Это все так сложно, сразу и не объяснишь.

И вот опять – я почувствовал себя отодвинутым, исключенным из ее мира. А ведь только что мы были единым целым. Просвистел порыв ветра, мы поежились от холода, и вдруг Карен сказала:

– А знаешь, может быть, это был вовсе и не сон. Только ты обещаешь не смеяться?

– А то, спрашиваешь! Само собой – обещаю.

– Нет, когда это было, я спала. Просто оно было намного реальнее любого сна. Может быть – что-то вроде видения.

– Ну?

– И совсем не похоже на сон. Скорее как кусочки из фильма. Знаешь, как по телевизору показывают рекламу какого-нибудь фильма, да еще и со стоп-кадрами. Только все в дымке; похоже, знаешь, на недопроявленную пленку. Примерно как когда я в школе, в фотолаборатории, проявляла снимки, и там постепенно проступали ваши лица. А вообще мне кажется, что это, ну то, что я видела, было будущее.

Сейчас я готов запинать сам себя ногами за то, что сказал тогда в идиотском порыве продемонстрировать остроумие.

– Ну и как там в будущем? – усмехнулся я. – Вьетнамцы завоевали весь мир? Инопланетяне залетают поужинать? Каждому – по личному звездолету? То-то смотрю я на тебя сегодня: ни дать ни взять – курсант из школы астронавтов. – Мне казалось, что я превзошел сам себя: парень хоть куда, хоть прямо на центральный разворот «Голливуд Скуэрз». Но, судя по выражению лица Карен, я жестоко ошибался. Она явно ждала совсем не того.

– Ладно, Ричард. Все с тобой ясно. Ведь *знала же*, что нельзя тебе рассказывать. Извини, больше не повторится.

Карен отвернулась. Холод.

Я почувствовал то, что, наверное, чувствует крестьянин, глядя на поле, побитое градом.

– Нет! *Черт*. Карен, пожалуйста! Ну прости меня. Я болван. Опять пасть разинул. Ну не хотел я, не хотел тебя обидеть! Ты же знаешь, я просто дурака валял. Сам терпеть не могу эту свою привычку, но вот опять сорвалось. Черт. Просто захотелось пошутить. Ну пожалуйста, не сердись. Я очень хочу тебя выслушать. Я *прошу* тебя.

– Ричард, ваши извинения принимаются, – сказала она, выбросив сигарету; по ее голосу чувствовалось, что прощен я лишь условно.

Потом мы еще некоторое время сидели молча. Было уже не просто холодно, мы вконец окоченели. Глаза привыкли к

темноте. Вдруг Карен снова заговорила:

– Все было осязаемым. Понимаешь, я могла прикоснуться к любым вещам и почувствовать их на ощупь. Растения, одежда, все остальное. Особенно сегодня ночью. Дело было у нас дома, на Рэббит-Пейн, только все там как будто одичало. Деревья, трава... люди тоже. Ты, Пэм... грязные какие-то, неопрятные.

Неожиданно у нее будто прояснилось в голове.

– Точно, *все* это – будущее! – Шмыгнув носом, она втянула обратно свисавшую с него клейкую капельку. – В воздухе пахло дымом. Никаких там летательных аппаратов или скафандров вместо одежды. А вот машины – да, другие. Круглые какие-то, обтекаемые. В одной из них я ехала. И марка какая-то новая, каких сейчас нет... «Эйрбэг»? Да, точно, «эйрбэг». Я помню, это еще на передней панели было написано.

– Тебе там случайно не попадалась «Уолл-стрит журнал», какие-нибудь котировки, ну там, общая ситуация на рынках?

Карен хлопнула себя по лбу:

– Ну, хороша! Надо же – увидеть будущее и обратить внимание только на машины да прически... – Она закатила глаза. – Нет, пусто. Извини, Ричард, тут я тебе не помощник. Или... нет, дай собраться... Подожди, кое-что есть. Да, вот: русские нам больше не враги и... и еще – заниматься сексом стало смертельно опасно. *Вот это да!*

Подъемник дернулся, закачалось кресло; наверху забурчали моторы. Карен, словно действительно впад в транс, продолжала говорить:

– Еще я на этой неделе видела – там, в будущем – какие-то аппараты... ну, в общем, они непонятно как связаны с деньгами. А люди, они все казались более... более *электронными*, что ли. Хотя в основном они делали что обычно, ну, машины заправляли, как теперь, и... и... черт, даже не верится: я видела будущее, а кажется, что вот оно, здесь, *сейчас*. Даже сразу и не скажешь, чем все отличалось. Люди стали лучше выглядеть. Похудели, что ли? Или одеты получше? Иди просто в форме – как те, кто бегают по утрам?

– Ну, и?..

– Ладно, ты прав. Мелочей я кучу запомнила. Есть и плохие новости. Знаешь, как: «У меня для вас две новости, хорошая и плохая»? – Помолчав, она сказала: – Там, в будущем, – темно. – Опять молчание; Карен кусает губы. – Вот этого я теперь и боюсь.

– В каком смысле – темно?

В тот вечер на мне были только джинсы, без теплого белья. Я поежился.

– Ричард, будущее – не такое уж хорошее место. Не знаю, как это объяснить. Оно – жестокое, что ли? Я сегодня ночью это увидела. Мы все были там. Я видела нас... нет, нас не мучили, не пытали, мы все были живы, и все... все стали старше... средних лет или что-то вроде того, но... «смысл» ис-

чез. А мы этого даже не заметили. Мы сами стали бессмысленными.

– Что ты имеешь в виду? Бессмысленные – это как?

– Ну смотри: жизнь нам вроде и не кажется пустой или тяжелой, но это только если смотреть на самих себя со стороны. А потом я стала искать других людей, чтобы посмотреть, сравнить, живут они так же или нет, но больше там никого не было. Все куда-то делись. Остались только мы – живущие лишенной смысла жизнью. Тогда я внимательно присмотрелась к нам – к Пэм, Гамильтону, к тебе, Лайнусу, Венди, – и все бы ничего, вот только глаза у вас были пустые, бездушные... знаешь, как у лосося на пристани: лежит, один глаз в доску уткнулся, а другой прямо в небо уставился. Только... наверное, хватит уже.

– Нет-нет, говори!

– Я хотела помочь. Но, понимаешь, Ричард, я ведь не знаю, как спасти в такой ситуации, как вернуть человеку душу. И я так ничего и не придумала. Я единственная понимала, что мы потеряли, чего лишились, но что делать – я понятия не имела.

Было ощущение, что Карен вот-вот заплачет. Я сидел молча, не знал, что сказать, лишь обнял ее. Под нами, чуть левее, я разглядел в темноте собравшихся возле подъемника лыжников; они стояли, задрав головы кверху, и передавали друг другу фляжки со спиртным, время от времени подбадривая зависших криками.

Карен встрепенулась и сказала:

– Вспомнила! Там еще Джаред был! Ну, в моем вчерашнем видении. Да-да, *был*. Тогда, наверное, это даже не видение из будущего, а какое-то... даже не знаю... предупреждение, что-то вроде пародии на рождественское гадание.

– Ну, может быть. – Честно говоря, вспоминать о Джареде именно сейчас у меня не было никакого желания, но я сдержался и промолчал.

Неожиданно подъемник дернулся, протащил нас на несколько футов вперед и снова замер. Погасли и замигавшие было фонари. Мир опять стал черной стыллой неподвижностью.

– Ричард, знаешь?..

– Что?

– Да нет, ничего. – Карен взяла себя в руки и решительно сказала: – Не обращай внимания, Биб. Я уже сама устала, рассказывая об этом. Только... – Она сунула руку в карман куртки. – Вот, держи. Я хочу, чтобы этот конверт побыл у тебя. Только не открывай, договорились? Просто пусть он будет у тебя – сегодня. А завтра я его заберу.

– Ну?.. – Я взял у нее заклеенный конверт, на котором фломастером было выведено «Ричард» – тем самым бесившим меня девчоночьим, кругленьким, с бесчисленными завитушечками почерком, из-за которого мы за месяц примерно до того здорово поцапались. Я, понимаешь ли, решил выяснить, почему это она не может писать «нормально». Иди-

от!

Карен заметила, что я смотрю на надпись.

– Ну что, отважный нонконформист, на этот раз достаточно *нормально!*

Я запахнул конверт во внутренний карман куртки, и тут наш подъемник опять дернуло вперед.

– Завтра отдашь обратно, и без лишних вопросов. Запомнил?

– Есть! Договорились, – сказал я и поцеловал ее.

Подъемник с резким рывком заработал. От неожиданности Карен уронила свои сигареты и выругалась. А в следующую секунду склон залил электрический свет. Энергии у огромных ГЭС в Британской Колумбии было хоть отбавляй. Лыжники под нами встретили свет радостными воплями, словно благодаря кого-то за его появление; наше время кончилось.

– Смотри, вон Венди и Пэм! – воскликнула Карен.

Я чуть не оглох, пока она во весь голос договаривалась с Венди встретиться через полчаса у «Гроуз-Неста» и умоляла Пэм подобрать ее сигареты, оставшиеся уже далеко позади.

Близость наша урезалась почти до прежнего уровня, и мы бодро поплыли над склоном под звуки голоса Карен, вслух обдумывавшей планы на оставшуюся часть вечера.

– Смотри-смотри! Вон там – Донна Килбрук. Эй! Эй!

Я думал о Джареде.

Он был нашим общим другом, а для меня, пожалуй, луч-

шим другом – в детстве. В старших классах мы как-то разошлись, такое часто бывает с теми, чья дружба завязалась в совсем юном возрасте. Он добился больших успехов в футболе, и постепенно у нас оставалось все меньше общего. А еще он был жутким бабником. Девчонки на него так и вешались, а он и рад был под это дело подставиться. И насколько явно он входил в круг везунчиков, любимчиков судьбы, настолько же очевидно я вставал на неверный путь неудачника по жизни. Нет, мы по-прежнему отлично ладили, но уютно я с ним себя чувствовал только где-нибудь дома, подальше от школы с ее обязательными для того, кто хочет добиться всеобщего признания, ритуалами поведения. Джаред с родителями жил недалеко: за углом, на Сент-Джеймс-плейс. Однажды в жаркий день, во время игры с Хэндсвортской школой, Джаред вырубился начисто, и его отвезли в больницу Лайонс Гейт. Через неделю он остался без своей шикарной светлой шевелюры, через два месяца весил меньше, чем огородное пугало, а через три... его не стало.

Очухались ли мы от этой потери? Не уверен, что полностью. Хуже всего для меня оказалось то, что я вроде как числился «официальным другом» Джареда, так что на меня излили немалую долю особых, персональных соболезнований. Все девчонки, вздохавшие до того по Джареду, перекинулись на меня, его сексуальная энергия еще долго витала в воздухе. Другое дело, что я вовсе не собирался пользоваться этим и уж тем более начинать жить его разгульной жиз-

ню. Пришлось разыгрывать из себя стойка, хотя на самом деле я злился, боялся, а еще мне было грустно. Джаред ведь действительно думал, что мы – лучшие друзья, хотя на самом деле пути наши давно разошлись. Я нашел себе других друзей и чувствовал себя виноватым, вроде как предателем. Весь следующий год мы не говорили о Джареде, стараясь делать вид, что ничего не случилось, что все идет по плану, хотя это было далеко не так.

3. То, что спит, еще живо

Спускаясь с горы в вагончике канатной дороги, я молчал; Карен о чем-то болтала с Венди и Пэм. Связанные вместе, наши лыжи тихонько позвякивали. Мы с Карен очень изменились с тех пор, как этот же подъемник доставил нас на гору несколько часов назад. Когда вагончик, покачиваясь, прошел мимо центральной опоры, мы увидели лежавший далеко под нами Ванкувер, в который вот-вот должен был войти 1980 год, войти и занять наше юное, хрупкое, словно стеклянное литье, королевство. Мы пытались высмотреть наши дома, что мерцали по ту сторону реки Капилано, в глубине нашего образцового, ухоженного до стерильности пригорода.

Посмотрев прямо вниз, на сугробы и продирающиеся сквозь снег гранитные глыбы, я почувствовал себя чужим в этом мире. Мне почему-то подумалось, что я, наверное, родом с какой-то другой планеты, а на Землю свалился с неба, как метеорит. То есть я здесь не родился, а совершил вынужденную посадку. *Ба-бах!* И вот, угораздило же, пришлось обосноваться на Земле навеки. Когда вагончик, набирая скорость, заскользил вниз, новички и те, кто пользовался канатной дорогой нечасто, завизжали и заверещали от страха. Я посмотрел на Карен: она сидела, опершись подбородком о лыжные палки, – какая-то особенно красивая. Так выглядят

люди, уверенные в том, что ими восхищаются, их обожают.

Вагончик остановился у нижней платформы, и мы поковыляли к моему «датсуну В-210», где тут же сбросили пластмассовые кандалы лыжных ботинок, чтобы пошевелить вкопец затекшими пальцами. Забравшись в машину, мы поехали на одну из извилистых пригородных улочек Западного Ванкувера, где, как нам сообщили, одна из ныне забытых, пользовавшихся сомнительной популярностью девчонок собиралась устроить большую вечеринку – родители ее укатили развлекаться на всю катушку в Лас-Вегас, оставив ее «присмотреть за домом».

Прибыв на место, мы выяснили, что наши худшие предположения оправдываются. Такого дурдома нам раньше видеть не приходилось. Подъехали мы около десяти вечера, и наш «датсун» оказался в компании нескольких десятков машин, вкривь и вкось припаркованных на Ирмонт-драйв. Из колючих елок живой изгороди вылетали, словно протоны из ускорителя, подростки, тащившие в руках целые упаковки пивных бутылок, в каждой из которых, несомненно, сидело по джинну, готовому исполнить одно-единственное, самое-самое сокровенное желание.

Отовсюду доносились чьи-то возгласы, слышался звон бьющихся бутылок. В свете уличных фонарей на фоне мерцающих осколков то и дело мелькали какие-то силуэты. Кто-то из веселящихся тоже недавно приехал с горы. Я услышал свист, обернулся и увидел Гамильтона – моего личного свя-

того, покровителя плохо сложенных карт, подмокших спичек, низкопробной порнухи, паршивой химической завивки, тетрациклина и чужих сигарет. Он кивнул мне из гущи каких-то лавровых кустов, перед которыми мы только что припарковались, и прошипел:

– *Эй, Ричард, тащи сюда свою задницу!*

Я привычно повиновался и оказался в некоем подобии вигвама, провонявшего – хоть топор вешай – мексиканской травой, причем явно мерзейшего качества, от которой потом башка просто раскалывается. Я разглядел физиономии чуть не десятка приятелей Гамильтона, яростно смоливших свои косяки. Наслаждаться собственной головной болью у меня не было никакого желания, и я сказал:

– Слушай, Гэм, ну и воняет здесь. Словно кто-то набздел в вагоне метро. Давай вылезай отсюда. Девчонки ждут. Да, а где Лайнус?

– Да где-то там, веселится. Я сейчас вылезу. *Дин, будь другом, передай мне Зиг-Заг.*

Я вернулся к машине, где девчонки обсуждали новую диету Карен. Я поспешил высказаться:

– Карен, надеюсь, ты похерила этот бред насчет полного голодания?

У Карен была навязчивая идея – похудеть к предстоящей поездке на Гавайи.

– Ричард, *Бэб*, мне нужно к следующей неделе довести себя до пятого размера. Иначе я не влезу в новый купальник.

Пэм, худая как спичка, спросила:

– Ты что – *так и принимаешь* таблетки для снижения веса? Мне-то мама их все время сует, но я отказываюсь.

– Пэм, – ответила ей Карен, – ты же знаешь, что меня на таблетках вырастили, моя мама – просто ходячая аптека. Но что касается амфетаминов, то стоит мне принять хоть одну таблетку, как меня выворачивает наизнанку, и я просто на стенку лезу. – Она замолчала, чтобы сдуть с глаз прядь волос. – От большинства лекарств, даже от витаминов, мне хреново. Другое дело – транквилизаторы. Я их принимаю, чтобы расслабиться, нервишки успокоить. Мама даже выдала мне персональный флакончик.

Прозвучало это, надо признать, эффектно; явно ставилась цель удивить и «зацепить» нас.

Венди, стараясь выглядеть круче, чем на самом деле, сказала:

– Вот приколот-то был бы – врач констатировал передозировку витаминками.

Шутка была встречена без смеха, вежливыми пристальными взглядами.

Повисшее молчание нарушила Пэм. Она как раз пыталась тогда пробиться на подиум.

– Ой, а я тут вчера была на просмотре. Знаете, ребята, как эти модели говорят? Ну, когда они друг с другом болтают?

Мы выразили готовность восполнить этот пробел в наших знаниях. Пэм, обрадовавшись, пояснила:

– Звучит это примерно так: «*Ку-ку-ку, бе-бе-бе, диета-таблетки, бу-бу-бу...*» Поклянитесь, что, как только я запою ту же песню, вы сразу же вытащите мою вилку из розетки.

У нас за спинами откуда-то появился Гамильтон – высокий, в черных ботинках, в рубашке-поло на шнуровке, с кулачищами размером с буханку хлеба и изрядно навеселе.

– Ричард, – обратился он ко мне, – нам нужно *срочно* проверить, как там идет веселье. Дом вот-вот разнесут на куски. А, Пэмми, привет...

Пэм показала ему язык. Они вот уже три года то ссорились, то мирились, в тот вечер они числились поругавшимися. Гамильтон снова повернулся ко мне.

– Если мы не спасем Лайнуса, – заявил он, – его к полуночи мелко нашинкуют. Там же просто побоище идет. А кроме того... мой мистер Ливер жаждет чего-нибудь тяпнуть.

В пояснение своих слов Гамильтон похлопал себя по животу. В доме тем временем что-то заскрежетало и с грохотом рухнуло на пол.

Пэм провозгласила, глядя куда-то в небо:

– Ну почему? Почему мне так везет на этих самовлюбленных шутов гороховых, которым наплевать, существую я на свете или нет? О, боги любви, пошлите мне в следующий раз кого-нибудь поприличней!

Разговор зашел о том, как мы сегодня покатались, и я вдруг заметил, что стараюсь даже отойти назад, чтобы чуть

со стороны посмотреть на Карен, Венди и Пэм. Почему-то, собравшись вместе, они напоминали сестер, очень непохожих друг на друга, но все же сестер. Сами они называли себя «ангелами Чарли»³, но в те годы такое прозвище закреплялось чуть ли не за каждой троицей девчонок-подружек.

Личность. Совокупность черт и качеств, определяющих ее.

Иногда я задаюсь вопросом, что можно сказать о человеке, пока он еще не вырос, возможно ли разглядеть его внутреннюю сущность? В равной ли степени проявляются признаки будущих свойств у разных людей? Вот убийцы – выглядят ли они убийцами годам к восемнадцати? А биржевые брокеры? Официанты? Миллионеры? Высиживается яйцо, а кто из него вылупится – неизвестно. Маленький лебедь? Крокодил? Черепаха?

Венди: широкие плечи – секция плавания, приветливое, серьезное, квадратное, чуть мужского типа лицо, коротко стриженные волосы шоколадного цвета. Мы с Гамильтоном как-то попытались четко обрисовать внешность и манеру поведения Венди, и, пожалуй, Гэм не ошибся, сказав, что она выглядит как двадцать седьмая в очереди претендентов на британский престол. Когда мы собирались под Рождество у нас и нам приходилось представляться взрослым, Венди ни-

³ «Ангелы Чарли» – популярный телесериал 1976–1981 гг. о трех девушках – офицерах полиции, ставших частными детективами в агентстве «Чарли». В 1999 г. на основе сериала снят кинофильм.

когда не забывала добавить: «Я из всех них самая умная». И ведь права она была, абсолютно права.

Пэм (Памела, Пэмми, Памелоид): худая, как струйка воды из незакрытого крана, идеальный овал лица, да и вообще – мордочка словно с открытки, да еще и грива химических кудряшек пшеничного цвета, шелковых на ощупь. Очаровательная лисичка Пэмми. Ее глаза вечно смотрят куда-то чуть дальше, чем твои. *«Эй, Пэм, на что засмотрелась?»* – *«А? Что?.. Да так, ничего. Там... В облаках... Что-то...»*

Карен: некрупные черты лица, каштановые прямые волосы, разделенные посередине пробором. Глаза – цвета лесного мха. Общаться с ней – одно удовольствие. Что девчонкам, что мальчишкам. Свой парень. На лыжах кататься? В футбол поиграть не хватает человека? Подобрали раненую зверушку, которую теперь лечить и выхаживать надо? Зовите Карен, не ошибетесь.

У всех троих все шесть рук вечно сложены на груди. Одежда – кожаная куртка или пуховик. В сумочке обязательно крепкие сигареты. Лыжные свитера, пропахшие духами «Чарли», жевательная резинка без сахара, да еще – сладко пахнущие волосы. Чистенькие-опрятненькие, раскованные, привлекательные, спортивные.

Карен предложила выпить чего-нибудь, и Венди переспросила ее:

– Ты уверена, что тебе стоит пить? Я в том смысле, что выглядишь ты не слишком здорово. Что ты за целый день

съела? Один крекер да полбанки тоника? Поехали лучше ко мне, перехватим чего-нибудь.

– Замолчи! – потребовала Пэмми. – Не искушай меня. Знаю я, чем все это кончится: в итоге именно я сожру все, что у тебя есть в холодильнике. – Помолчав, она решила уточнить: – У тебя там как – найдется что-нибудь?

Карен, не дослушав их, забралась в «датсун», чтобы завязать шнурки на кроссовках. Я же сунулся в машину за свитером и, как назло, увидел, что она глотает две вынутые из пудреницы таблетки. А она застучала меня за тем, как я застучал ее. Показав мне язык, она вздохнула:

– Все я знаю, Ричард: «детский сад» и «бабы-дуры». Эх, тебя бы на мое место – впихнуть в бикини пятого размера!

Я постарался придать своему лицу не осуждающее выражение; по-моему, неудачно.

– Господи, да это же просто валиум. Все совершенно законно. Его вообще мне мама дала. – Карен немного разозлилась на меня за то, что я так некстати заглянул в машину. Наверное, почувствовала себя неловко.

Я сказал:

– Карен, ты самая замечательная! Ты отлично выглядишь, ты... у тебя отличная фигура, и ничего в ней не надо менять. Уж я-то знаю... – Я даже подмигнул, что получилось, кажется, скорее похабно, чем по-дружески. – Ты просто дура душой, что зациклилась на этих диетах.

– Ричард, это так *любезно* с твоей стороны. Нет, ты правда

самый-самый лучший парень на свете, я это знаю и ценю. Но послушай меня: это *женское* дело. Не лезь, тебя это вообще не касается.

По крайней мере она улыбалась, говоря это. А потом она перегнулась через спинку сиденья и успела чмокнуть меня, прежде чем я вылез из машины и вернулся к импровизированному бару, организованному Памелой на капоте.

– Подними окно и закрой дверь, – попросила меня Карен, перекачивая во рту валиум. – А то вдруг Бог подсматривает?

После этого она мне ничего не говорила. Почти двадцать лет.

Пэм достала бутылку «Смирновской» и вместе с Венди разлила по глоточку в утащенные из «Макдоналдса» бумажные стаканчики. В качестве разбавителя пошел тоник «Таб».

Венди рассказала о том, как ходила в пятницу к методисту из отдела школьного образования. Она подумывала о том, чтобы поступить на подготовительное отделение Университета Британской Колумбии – с интенсивной подготовкой на медицинский факультет, но никак не могла решиться, боясь, что упустит все прелести студенческой жизни. «Сами понимаете, пьянки, посиделки с наркотой, беспорядочный секс. И всякие там подставные письма в редакцию “Пентхауза”!»

Пэм была не в настроении обсуждать будущую учебу или работу.

– Слушай, Венди, – перебила она подругу, – давай сегодня просто выпьем и пойдем пошляемся. Крушить дома – это

забава для мальчишек.

Судя по грохоту, доносившемуся из здания, оно должно было вот-вот взлететь на воздух, как это бывает в фильмах ужасов.

Гамильтон сказал:

– Эй, Пэмми, что это с тобой? Да ты просто боишься этих убойных девок в белых джинсах. *Признайся.*

В 1979 году белые джинсы были среди тусующихся девчонок кодовым сигналом того, что их обладательница готова поцапаться и поскандалить по любому поводу.

– Что?.. А ты – ты-то сам не боишься?

– Туше⁴, Памела, – улыбнулась Венди и посмотрела на меня. – А ты, Ричард, что скажешь? Пойдешь в гости-то?

– Э-э... не хотелось бы, честно говоря. Но ведь там Лайнус остался. Мы договорились, что встретимся на вечеринке. Было бы нечестно и жестоко оставить его в лапах дикарей. Может быть, в этот самый миг, пока мы здесь медлим, он уже сидит в кипящем котле и почитывает какую-нибудь энциклопедию всемирной литературы.

Пэм погладила висевший у нее на шее медальон, в котором, как по секрету рассказала мне Карен, лежали несколько волосков с интимного места Гамильтона. Венди доцедила свой коктейль и, подмигнув Пэм, заговорщицки произнесла:

– Е-П-К!

⁴ Термин спортивной борьбы, означающий поражение (касание ковра лопатками).

Я спросил, что это значит, и девчонки в унисон отчеканили:

– Еще – По – Коктейлю! А теперь, мальчики, марш спасать Лайнуса. Ну, а мы вас тут подождем, чего выпить – у нас у самих есть.

Ну, мы с Гамильтоном и пошли по подъездной дорожке. Особо мы на вечеринку не стремились, но хихиканье за нашими спинами заставляло нас обоих держаться преувеличенно бодро и смело. Дом, в котором разворачивалось веселье, погибал на глазах. Его рвали на части злобные, неблагодарные дети, жестокие чудовища, акулы, разгулявшиеся в кровавой воде; они накинулись на дом как таковой, на свой инкубатор – один к одному похожий на их собственные дома, дома, пропитавшие своих безжалостных обитателей невыносимой одинаковостью и предсказуемостью, не давая им никакой возможности выбора.

Выдернутый из горшка фикус взгромоздился на бильярдный стол. Осыпавшаяся с корней земля вперемешку с пивом образовала грязную корку, в которой покоился шар под номером шесть. Стеклопанельная раздвижная дверь была разбита – в ней зияла дыра размером чуть больше кулака. С ее краев на ковер еще капала кровь. Стены гостиной, где стоял телевизор, выглядели пятнистыми, словно шкура далматинского дога, – их покрывали дыры и вмятины, пробитые тяжелыми ботинками. Оставшиеся бильярдные шары кто-то старатель-

но пошвырял через эти дыры во двор. Туалет был мерзейшим образом забит и переполнен; блевал народ повсюду, а затем разносил это дело по дому, загаживая самые немислимые поверхности.

– Похоже на бунт в тюрьме строгого режима, – заметил Гамильтон.

В целости оказалась лишь стереосистема – благодаря своей уникальной способности создавать атмосферу. Гости, кто в джинсовых, кто в кожаных куртках, нетвердо стоящие на ногах, заставляли несчастный аппарат играть на полную громкость, а сами, впав в неистовство, хлебали пиво, крутили стулья и срывали лампы с покрытого пятнами потолка.

Девушки, те самые – крутые, из Северного Ванкувера, в знаменитых белых брюках, – сидели в хозяйской спальне, не принимая личного участия в разрушении. Спальня была превращена в курилку, обительницы которой примеряли чьи-то шелковые блузки, пробовали оранжевую губную помаду и бесконечно причесывались. Некоторые, перебравшись на кухню, прямо на столешнице делили дурь семейным серебром, лишь изредка отрываясь от дела, когда грохот ломаемой мебели становился особенно громким.

Мы стали пробираться дальше. Ни я, ни Гамильтон до того не бывали на вечеринках такой степени агрессивности, и, честно говоря, нам было не по себе, хотя мы друг другу в этом и не признавались. Засунув руки в карманы, мы с самым небрежным видом ходили из комнаты в комнату.

– Хотел бы я знать, *что именно* так навязчиво наводит меня на мысль, что человечество как биологический вид деградирует? – пробурчал Гамильтон.

Оскорбленный столь многосложной фразой, один из участников «веселья» попытался врезать Гамильтону кулаком в грудь.

– Понял, – поспешил согласиться Гэм. – Ладно. Тогда – где тут у вас сральник?

Второй туалет оказался вовсе разнесен вдребезги. Через окно мы посмотрели на то, как народ разбрасывает над бассейном пластинки, пытаясь сбить эти похожие на летучих мышей мишени пивными бутылками.

Проходя мимо чьей-то бывшей спальни, мы наткнулись на Лайнуса: он сидел – сгорбившийся, небритый, вытирая нос заляпанной чернилами ладонью, – склонившись над каким-то атласом, явно не замечая того, что творилось вокруг.

– А, это вы. Привет. Слушайте, вы, наверное, хотите *по-есть*, ну, или чего-нибудь... – такими словами он встретил нас.

Мы прикинули, стоит ли задерживаться в этом сумасшедшем доме. Почему-то самую большую тоску навевала мысль о том, какие кары обрушатся на его непосредственную обительницу.

Гамильтон сказал:

– Ребята, скоро соседи полицию вызовут. Так что – тяпнем чего-нибудь наскоро и свалим отсюда. Лайнус, пошли.

Во дворе словно сверкнула зеленоватая молния. Посыпались стекла. А еще через пару секунд здоровенное кресло-качалка отправилось ко дну бассейна.

Лайнус последовал за нами, не забыв перед этим аккуратно поставить на книжную полку пару свалившихся книг. Закурив, он осведомился:

– Ребята, а вы знаете, что в Африке, оказывается, больше шестидесяти стран?

Не удостоив его ответом, Гамильтон проорал: «Сгиньте, мерзкие недоумки и хулиганы!» – и стал пробиваться к выходу из дома. Мы свернули с дорожки и перебрались через изгородь в соседний дворик; по улице к дому уже катили полицейские джипы, их мигалки озаряли окрестности вспышками цветов американского флага – красным, белым и синим. Около моего «датсуна» Венди и Пэм склонились над осевшей на землю Карен.

– Ричард, – сказала Венди, – Карен отключилась. Мы всего-то пару глотков тяпнули, а с ней – смотри сам, что творится. Вообще это на нее не похоже. Пэм, притащи какое-нибудь одеяло. Ричард, ее нужно отвезти домой. Лайнус, привет. Как тебе эта... ну, *вечеринка!*

– Погром! – ответил за друга Гамильтон.

Я не на шутку заволновался: чтобы Карен отключилась с двух легких коктейлей? Выглядела она вроде нормально, но что-то было явно *не так*. Нет, ее не тошнило, ничего такого, просто слабость и побледневшее лицо. Говорить с ней оказа-

лось бесполезно. Она почти спала, не пытаясь ни вымолвить хоть слово, ни кивнуть, ни посмотреть в глаза. Чтобы скрыть накатывавшую на меня панику, я с напускным равнодушием сказал:

– Поехали к ней. Ее родителей нет дома, мы спокойно уложим ее спать, а сами посмотрим телевизор, да и за ней последуем. Скорее всего ничего серьезного...

– Всё идиотские диеты, – сказала Венди. – Наверное, ее просто срубило после такой нагрузки. Шутка ли – кататься на лыжах, проголодав перед этим несколько дней.

– Поехали, – согласилась Пэм, – как раз успеем к «Субботнему вечеру» по ящику.

Мы с Венди положили Карен в «датсун», ее кожа покрылась испариной, но ничего подобного ознобу заметно не было. Наша маленькая автоколонна направилась к дому Карен – через один от моего собственного. Я сам отнес ее на руках внутрь, снял с нее куртку, разул и уложил на кровать. На всякий случай я решил укрыть ее еще одним одеялом. Вроде бы все шло нормально. Ну, упала девушка в обморок, так ведь и досталось ей сегодня...

Мы вернулись в гостиную как раз к началу «Субботнего вечера». Венди успела поджарить попкорна на кухне, мы уселись в мягкие кресла и стали смотреть шоу, открывавшееся выступлением какого-то юмориста. Гамильтон, понимая, что проигрывает телевизору, попытался вновь переключить наше внимание на себя, рассказывая «аппетитные» истории

про нарывы да фурункулы и выдавая весьма посредственные похабные анекдоты. Мы порекомендовали ему заткнуться.

Лайнус, согнувшись в три погибели, рассматривал стоявшую под елкой среди подарков кроваво-красную комнатную пуансеттию. Он рассказывал нам о сетке сосудов в ее лепестках, восхищался клеточной структурой ее стебля и листьев. По ходу дела он объяснил, почему корни можно сравнить с электропроводами и что фотосинтез – это наиболее самодостаточная и эффективная из всех возможных систем, преобразующих энергию Солнца.

– Эй, кто-нибудь скажет этому Джонни Яблочное Семечко «*fermez la bouche*»?⁵ – спросил Гамильтон.

Пэмми потихоньку переместилась поближе к нему. Законодательница вкусов Венди, как раз пребывавшая в снобистском периоде «я-не-смотрю-телевизор», занялась подсчетом собранных матерью Карен фигурок и изображений сов.

– Совы, совы, шагу некуда ступить – везде совы. Даже над телефоном в прихожей совенок из макраме. Штук тридцать таких плетеных птичек, и можно соорудить себе вязаный комбинезон наподобие того, что был у Энн-Маргрет в «Томми»⁶ перед тем, как она свалилась от смеха прямо в тушеные бобы.

– Венди, *что* ты там говоришь? – донесся с кухни голос

⁵ Закрой рот, заткнись (*фр.*).

⁶ «Томми» – музыкальный фильм (рок-опера), снятый в 1975 г. режиссером Кеном Расселом, на музыку группы «The Who».

Пэм.

– Почему миссис Мак-Нил «съехала» на совах? Что они для нее значат? Какая такая в них мрачная тайна? Какую ее внутреннюю потребность удовлетворяют эти птички?

Я извинился за невниманье к разговору и пошел посмотреть, как там Карен. Последнее, что я услышал из гостиной, было «восемьдесят шесть» Венди, относившееся к очередной обнаруженной и пронумерованной сове. Карен была бледная как полотно. Она лежала, запрокинув голову, ее глаза неподвижно глядели в одну точку, даже не на потолке, а где-то в бесконечности.

У меня в мозгу словно что-то взорвалось, а руки и ноги наоборот онемели; во рту пересохло, горло сдавило.

– Она... Она не... не дышит! – прохрипел-проорал я. – *Она не дышит!*

Все бросились из кухни и гостиной в комнату Карен.

– *Что?..*

Пэм закричала:

– Черт! *Твою мать!* Господи, Венди, ты же занималась плаванием. Давай, делай ей искусственное дыхание!

Венди бросилась к кровати и стала целовать Карен «поцелуем жизни». Гамильтон вызвал «Скорую». Пэм взмолилась:

– Нет, только не это! Еще один Джаред!

Эти слова взбесили Гамильтона, он в ответ закричал:

– Выброси из башки эту хренотень! Даже не думай. Не смей даже думать о том, чтобы подумать об этом!

Джаред. О господи! Это ведь может быть *навсегда*. Может забрать ее от меня. У меня на глаза навернулись слезы, запершило в горле. Мы все вдруг ощутили свою беспомощность и отчаянную бесполезность. Нам оставалось только бормотать ругательства да сокрушенно качать головами. Настольная лампа с пластмассовым абажуром, стоявшая в изголовье кровати, освещала ядовито-желтым светом лицо Карен и часть стены с фотообоями – старыми, уже подвыцветшими: фотография лунного пейзажа и встающей из-за горизонта Земли. Медали с соревнований по плаванию, игрушечный песик Снупи с надписью на ошейнике: «Самой лучшей дочке на свете». Помада, блеск для губ, какие-то салфетки. Пара рубашек, вынутых из ящичков, но не удостоенных чести быть надетыми сегодня; пивная кружка с мелкими монетами; учебники, какой-то словарь; щетки для волос.

Через парадную дверь в дом вбежали санитары с носилками, на которые они легко перекинули неподвижное, точно пластилиновое тело Карен. Водитель «Скорой» спросил:

– Пили?

Мы сказали, что да, водку.

– Наркотики, лекарства?

Никто, кроме меня, не знал про валиум, пришлось сказать.

– Две таблетки транквилизатора. Насколько я знаю – валиум.

– Передозировка возможна?

– Нет. Я видел, как она принимала всего две штуки.

– Траву курила?

– Нет. Понюхайте ее, если не верите.

В горло Карен вставили трубку для искусственной вентиляции легких.

– Родители?

– Они уехали в Бирч-Бэй.

– Сколько она уже не дышит?

– Точно не знаю. Несколько минут, наверное. Еще полчаса назад она была в полном сознании.

– Ты ее парень?

– Ну да.

– Поедешь с нами.

Мы пулей вылетели в гостиную, за дверь, на лужайку, понесли к калитке. От моего дома спешно приближались мои родители, на лицах у них переливались огни мигалки «Скорой». Когда они разглядели, что на носилках не я, страха в их глазах поубавилось, но не сильно.

– Гамильтон, объясни им, что к чему, – сказал я. – Мне нужно ехать.

Мы с Карен в утробе фургона «скорой помощи» понесли к больнице Лайонс Гейт. Сквозь заднее стекло я бросил последний взгляд на тот квартал, где выросли Карен, я, Гамильтон, Лайнус и Пэмми, и он показался мне холодным, сухим и неподвижно-спокойным – как могильный склеп.

Кошмарный оранжевый «шевроле LUV» отца Карен...

дым этилированного бензина... две таблетки... аккуратно подстриженные живые изгороди...

Машина проскочила по Рэббит-лейн к Стивенс-драйв и выехала на автостраду – кратчайший путь к больнице. Откуда мне было знать тогда, что наступает совсем другое время.

4. Это все обман

Самой трудной оказалась первая неделя комы. Мы никак не могли предположить, что образ Карен, который родился в тот декабрьский вечер в ее спальне на Рэббит-лейн, так надолго останется неизменным: безжизненные руки, все более костлявые пальцы; прозрачные пластиковые бутылки капельницы, словно неправильно приготовленные обеды в термоупаковке, айсберг аппарата искусственного дыхания, его синяя, соединенная с самым ядром Земли трубка, которая своим шипением и свистом пытается передать нам злоеущие угрозы рока, произнесенные на неведомом языке; всегда прямые, аккуратно расчесанные волосы с годами седеют и становятся сухими и ломкими, как не политые вовремя комнатные растения.

Мистер и миссис Мак-Нил примчались из Бирч-Бэй под утро. Правое переднее колесо их «бьюика-центуриона» ткнулось в выкрашенный в желтый цвет поребрик парковочной площадки приемного покоя. Мои родители уже были в больнице. Ну и, разумеется, я, Гамильтон, Пэмми, Венди и Лайнус – все измученные бессонной ночью и страхом. Лица у обоих Мак-Нилов были красными, как объятые пожаром здания. Тревожная новость застигла их в преизрядном подпитии, и, судя по всему, сейчас их как раз мучило похмелье,

в первую очередь – головная боль. Сначала они отказались говорить с кем-либо, кроме взрослых, явно считая всех нас, друзей Карен, виноватыми в том, что с ней случилось. Взгляд покрасневших глаз миссис Мак-Нил выражал это яснее, чем любые высказанные вслух упреки. Они поговорили с моими родителями – соседями и в каком-то роде друзьями в течение уже почти двадцати лет.

Когда рассвело, доктор Менгер пригласил их четверых в палату, где находилась Карен.

– ...таламус... *бу-бу-бу*... жидкости, мозговой ствол... *ду-ду-ду*... черепные нервные волокна... гипоксия, ишемическая энцефалопатия... дыхательная функция...

– Она *жива*?! Или она умерла? – спросила мать Карен.

– Миссис Мак-Нил, она жива.

– Она может *думать*?!

– Я не могу ответить на ваш вопрос. Если ничего не изменится, периоды ее сна будут сменяться бодрствованием, возможно, ей даже будет что-то сниться. Но мыслительная деятельность... Нет, не думаю.

– А если она просто заперта в неподвижном теле, как в ловушке? – спросил мистер Мак-Нил. – Что, если она... – Джордж Мак-Нил старательно подбирает слова, – если она *там* сейчас слышит все, что мы говорим. Что, если она кричит нам оттуда и не может сказать, что ей очень плохо?

– Уверяю вас, сэр, это не так. *Прошу вас.*

Лайнус тем временем фыркал и, отдуваясь, хлебал горя-

чий шоколад, купленный в автомате. Гамильтон обозвал его скотиной, для которой нет ничего святого, на что Лайнус возразил с расстановкой:

– Карен *любит* шоколад. Будь она с нами, она бы за меня порадовалась.

Повисла пауза; переглянувшись, мы молча признали, что в словах Лайнуса скрыта определенная мудрость. Успокоился и Гамильтон, хотя откровенно кислое настроение его не покинуло.

– Ричард, – рывкнул отец Карен, появившись из-за угла коридора вместе с остальными взрослыми. – Доктор Менгер сказал, что Карен приняла две таблетки. Кто их ей дал? Ты?

Я насторожился.

– Нет. Они были у нее в пудренице. Кажется, валиум. Я и раньше видел, как она их принимает. По-моему, это миссис Мак-Нил дает их ей.

Мистер Мак-Нил повернулся к Лоис, своей жене. Та только опустила голову и чуть заметно махнула рукой, признавая, что это была ее идея. Отец Карен сразу как-то ссутулился.

Я сказал:

– Карен хочет быть в форме к поездке на Гавайи. Она очень старается похудеть.

То, что я говорил в настоящем времени, словно трянуло их.

– Осталось ведь всего пять дней, – почему-то сказала Вен-

ди. – Она к этому времени, наверное, поправится... правда?

Никто ей не ответил. Миссис Мак-Нил театральным шепотом спросила у Венди:

– Девочки, вы... вы что-нибудь пили? Венди? Пэмми?

Венди честно призналась:

– Миссис Мак-Нил, Карен выпила всего полтора наших самодельных коктейля. Водка и тоник. Честное слово. В основном тоник, а водки чуть-чуть, скорее для запаха. Карен ведь была совсем здорова, она еще вдруг забеспокоилась, не потерялась ли ее гигиеническая помада, и вдруг – она уже лежит на земле и чуть слышно стонет. Мы подумали, что, может быть, стоит вызвать у нее рвоту, да только ничего у нас не получилось. У нее с утра маковой росинки во рту не было. Она действительно так хотела сбросить лишний вес перед Гавайями.

– Хорошо, Венди. Все понятно.

Доктор Менгер принес показать нам результаты анализа крови Карен на алкоголь, чтобы подтвердить правоту наших слов.

– Практически чисто, – сказал врач. – Ноль целых одна сотая.

Карен практически чиста. Но *не совсем*. А значит – загрязнена. Запятнана, испачкана и замарана. Изгажена и осквернена. Заражена, зачумлена. Потеряла чистоту благодаря своим друзьям – грязным, дурным подросткам, что крушат дома, в которых живут.

Так мы и сидели в больнице – молча, вшестером – старые друзья, сидели долго, до позднего утра следующего дня. Уходившая домой после ночной смены медсестра принесла нам гоголь-моголь в бумажных больничных стаканах. А мы все сидели, безмолвно упрекая себя и других, готовые к любым карам и наказаниям и уже наказывая друг друга этим молчанием. Воскресное утро. Новость дня потихоньку разносится по школьным знакомым – многие любители коньков и лыж встают рано. Состояние Карен все с превеликим удовольствием свяжут с пьянкой в том, почти разрушенном вчера доме, будто именно это и стало истинной причиной ее несчастья. И с таблетками.

У меня схватило живот, и я пошел в туалет. Закрывшись в кабинке, я уже вдохнул поглубже и вдруг вспомнил про конверт, лежавший у меня в кармане. Я вскрыл его. На вырванном из блокнота листе было написано:

15 декабря

6 дней до Гавайев

Не забыть: позвонить Пэмми по поводу бус для африканской прически. Договориться о мелировании.

Привет, Беб. Это Карен.

Если ты читаешь это письмо, то: а) ты – самая большая свинья в мире, и я тебя больше знать не хочу, или же – б) наступил следующий день, и у нас очень плохие новости. Надеюсь, что все это не так!

Зачем я это пишу? Сама не знаю. Ощущение такое, как будто покупаешь страховку перед полетом.

Всю неделю меня преследуют видения. Может быть, я даже рассказала тебе о них. Но это не важно. Обычно мои сны довольно спокойны. Ну, бывает, например, что я во сне скачу на лошади, плыву, с мамой ругаюсь (причем мне удастся переубедить ее!), но то, что я вижу теперь, – это не сон.

В кино, когда кто-то видит лица преступников, грабящих банк, его убивают или берут в заложники. Так вот, у меня такое чувство, что меня тоже возьмут в заложники, потому что я увидела больше, чем мне было положено. Я не знаю, как это будет выглядеть. Те голоса – я слышу, как они спорят, и один из них так похож на голос Джареда; так пока они спорят, я смотрю вокруг и стараюсь запомнить кусочки Будущего (Господи, как же глупо все это получается на бумаге).

Здесь темно – я имею в виду в Будущем. Не слишком-то веселое местечко. Тут все такие старые, а наш район вообще весь засран (ты уж извини, что я так – по-французски!).

Я пишу тебе, потому что мне страшно. Конечно, все это слезливо и сентиментально, а я, наверное, просто дура. Знаешь, чего мне хочется, – уснуть лет на тысячу, чтобы никогда не увидеть наяву такого будущего.

Скажи маме и папе, что я буду скучать по ним. И попрощайся за меня с нашими. Да, еще вот что, Ричард. Можно, я тебя кое о чем попрошу? Ты дождись меня, ладно? Я вернусь оттуда, куда бы меня ни унесло.

Когда – не знаю, но я **вернусь**.

Я не думаю, что моя душа чиста и непорочна, но она и не испачкана грязью. Если честно, я даже не помню, когда в последний раз врала. Сейчас мы с Венди и Пэмми двинем в «Парк-Роял» за покупками. Как-никак Рождество на носу. Вечером мы с тобой поедem кататься на лыжах. А завтра я порву этот конверт, когда ты отдашь мне его **НЕ ОТКРЫТЫМ**. Учти – Бог все видит.

Привет,

Карен.

Я решил, что будет лучше не показывать пока это письмо родителям Карен. Оно только запутает их, а легче им не станет. Запихнув его обратно в карман, я вспомнил, как мне уже приходилось пользоваться этим туалетом – когда Джаред лежал здесь, в больнице, еще до того, как он, атом за атомом, перебрался в другой мир.

Подумав о Карен, лежавшей сейчас в реанимации, я почувствовал себя тем еще другом. В приемный покой я возвращался уже через силу. Через час, когда все более-менее успокоилось, мы пробрались в палату Карен. Техника, призванная поддерживать ее жизнь, трудилась что было сил. Работало все: капельницы, искусственные легкие, какие-то

трубки и осциллографы... Дежурная сестра выставила нас за дверь, и мы неохотно поплелись на выход. Мир перестал быть ареной снов и мечтаний, он оказался просто ареной.

Полиция Западного Ванкувера допросила нас в тот же день. Вызвали нас в участок на Марин-драйв.

Само собой, говорили с каждым по отдельности, чтобы поймать хоть на каких-то противоречиях. Но у нас все сошлось. С пьянкой, переросшей в откровенное хулиганство, наше дело связывать не стали. Кстати, зачинщики и особо активные участники той «вечеринки» в момент нашего допроса еще находились в участке, дожидаясь решения своей участи в камерах этажом ниже. Потом мы дошли до ресторана «Уайт Спот», где без особого аппетита съели по чизбургеру. Единственная странность в поведении Карен накануне заключалась для нас в том, что вела она себя *странно*, не так, как обычно. Я показал ребятам письмо, и нам стало совсем плохо.

– А ведь действительно, пока мы вчера были в «Парк-Рояле», – вспомнила Пэмми, – Карен ничего вокруг не замечала, кроме какой-то ерунды, ну, вроде того, что мандарины какого-то особенного цвета. Мы настроились на рождественские закупки, а она только ходит да вещи трогает, словно ткань на ощупь проверяет. Потом, на автобусной остановке у «Тако Дона», она съела один ломтик картошки из кулька, который купила Венди. Сдается мне, это все, что она положила в

рот за целый день, а потом еще и на лыжах поехала кататься. Бедняжка. Да я на ее месте тоже отключилась бы.

– Надо было уговорить ее поесть, – вздохнула Венди.

– Перестань, не в этом наша вина, – возразил я. – Тут ведь явно что-то другое, и нечего делать вид, что мы этого не понимаем.

– Я согласна, – кивнула Пэм. – Ее вчера явно что-то мучило. Что-то, о чем она нам не говорила. И не в диетах дело, это точно.

– Я думаю, что письмо нужно отдать ее родителям, – сказал Гамильтон.

Мы согласились и решили сделать это ближе к вечеру. За столом повисло молчание.

Вечером, вздремнув кто как сумел, мы снова собрались в больнице. Состояние Карен не изменилось. Руки, волосы, ресницы – все те же. Это-то и пугало нас больше всего. Казалось бы, с ней должно что-то происходить – но ничего не происходило. Перед уходом я поставил в вазу у ее изголовья розовые и голубые гвоздики. Выйдя на улицу, мы договорились встретиться на следующее утро у школьной курилки, чтобы войти в здание вместе, словно случайно оказавшись на пороге в одно и то же время.

Родители мои никогда не отличались склонностью к морализаторству или ужесточению дисциплины по любому поводу, и вечер прошел как обычно: котлеты, фасоль, жарен-

ная картошка, очередная серия «М.А.С.Н»⁷. Много лет назад моя двоюродная сестра Эйлин два дня пролежала без сознания после того, как ударилась головой о дно в мелкой части бассейна; ее последующая успешная учеба в медицинском институте позволила моим родителям относиться к такому явлению, как кома, несколько спокойнее, чем это принято.

Но ни один из нас так и не уснул в то воскресенье. Мы сплели целую паутину из телефонных звонков друг другу. Сидя на кухнях в пижамах и ночных рубашках при свете одних лишь контрольных лампочек электроплит, мы шептались о чем-то и, сами того не подозревая, повторяли спасительное, очищающее шипение и бульканье аппарата искусственного дыхания, дарившего Карен жизнь.

Наутро мы, как договорились, собрались на стоянке около школьной курилки за пять минут до звонка на первый урок. Глаза наши были красны от слез и бессонной ночи, волосы провоняли табачным дымом, широченные, по тогдашней моде вельветовые брюки хлопали по ногам на холодном, дувшем с Тихого океана ветру.

С нашим появлением по классу прошел вполне ожидаемый шорох. Место Карен прямо передо мной было многозначительно пустым. Ни один из нас троих – ни я, ни Венди, ни Лайнус – не снял куртки. Мы прятались за поднятыми

⁷ Комедийный телесериал «Военно-полевой хирургический госпиталь» (реж. Р. Олтмен, 1970).

воротниками отнюдь не из вызова остальным. Просто воротники давали нам своего рода иллюзию отгороженности, защиты от пристальных разглядываний в упор и беглых взглядов исподтишка. Филип Энг и Скотт Литман пялились на нас с нескрываемым недоверием и скептицизмом, жадная до сплетен Андреа Портер плотоядно поглядывала искоса. В воздухе висели не произнесенные вслух слова: *Смотрите, это убийцы Карен. Я знаю, это они разнесли в щепки дом Картеров. А еще таблетки! Ну и что, если это всего лишь лекарства? Нажрались в стельку! Мы так и знали, что этим все кончится. Все было ясно с прошлого года, с тех пор, как не стало Джареда. Они несут на себе проклятие: все, кто связывается с ними, умирают... Посмотрите на их лица. Я никогда и не замечал, насколько они порочны, я... мне так хочется поговорить с ними! Знаменитости! Подумать только, убийцы рядом с нами, прямо на уроке английского!*

Как только прозвенел звонок, мы все трое, не оглядываясь, вышли из класса и, протолкавшись сквозь переполненный холл, пошли на стоянку. Около моего «датсуна» уже курили Гамильтон и Пэмми. Пережить им пришлось примерно то же, что и нам, потому и выглядели они так же хреново.

– Да, ребята, вот это было зрелище, – высказал Гамильтон общее мнение. – Да чтоб я еще поперся к этим уродам.

Нам вдруг стало отчетливо ясно, что закончить школу нормально, как все, никому из нас уже не удастся. Пэм по-

смотрела на нас и произнесла одно слово:

– Овраг.

После чего мы попрыгали в свои машины.

У нас были сигареты, а Лайнус даже приволок с собой какую-то страшно дешевую, особо вонючую траву. Это все, что нам требовалось в тот момент, и мы, не останавливаясь, прикатали к поросшему лесом оврагу за Рэббит-лейн. Оставив машины, мы спустились к влажному, болотистому дну, где густые, частью вечнозеленые кусты и деревья надежно укрыли нас от непогоды и ветра. Только здесь мы немного успокоились.

5. Ни секса, ни денег, ни свободы

Еще о каждом из нас.

Всегда, когда просматриваешь школьные альбомы, происходит одно и то же: не успеешь перевернуть несколько страниц, как индивидуальность еще не испорченных юных лиц начинает теряться. Все фотографии сливаются в один обобщенный образ, как и подписи-характеристики:

Сюзан любит питаться в «Венди»; Дональд играл за сборную школы в баскетбол; Норман хвастает свитером с университетской мулькой; Джулиан сломала руку во время весеннего похода; Брайен ни черта не понимает в машинах; Сью хочет переехать на Гавайи; Дон собирается заработать миллион, чтобы потом только кататься на лыжах в свое удовольствие и ни фига не делать; Норин хочет уехать в Европу; Гордон собирается стать ди-джеем на радио в Австралии. Где, в какой момент наша жизнь вырывается из этого безликого калейдоскопа? Когда мы наконец становимся личностями? Что нужно сделать, чтобы покончить со лжехарактеристиками и показать всем, кто мы есть на самом деле?

Что я уже успел рассказать о себе? Скорее всего – немного. Пока Джаред не умер, я считал, что у меня самая обыкновенная жизнь. Посмотрев на меня, можно было смело доверить мне посидеть с детьми или поучить их бейсболу. Ра-

зум мой был чист и непорочен. Стремление добиться чего-то в жизни еще не сформировалось, но как-нибудь устроиться – это уж я худо-бедно сумею. Мне хотелось быть хорошим и всем нравиться. Я вовсе не считаю, что это плохо, просто у меня возникло ощущение, что я здорово недорабатываю в том, чтобы быть... *самим собой*. Не то чтобы я врал или притворялся, нет, просто... не слишком прилежно учился быть собой.

Я вспоминаю своих друзей, которые были со мной рядом, когда нам было чуть за двадцать. Все они готовились надеть на себя какой-нибудь образ: модный европейский имидж; Озлобленная Зловредная Тварь; личина простачка. После нескольких лет упорных тренировок они добились своего, как-то вдруг *стали* этими персонажами. А я? Кем стал я? Честно говоря, я не припомню, чтобы я хотя бы попытался нацепить на себя какую-нибудь маску.

После того как Карен ушла от нас, я уверовал, что приношу людям несчастье. Я почернел изнутри. Зато в моей жизни появилась завязка сюжета. Я перестал быть таким, как все; впрочем, это чувство было еще слишком шатким и неустойчивым, будто переходишь речку в мокрой обуви по скользким камням; а вода при этом бежит все стремительнее...

В выпускном альбоме нашей школы 1980 года отдельная страница была посвящена Карен. Сфотографироваться для альбома она успела примерно за месяц до того, как впала в кому, на фоне каких-то деревьев в тумане. Под портретом

шли строчки обращения:

В память о...

КАРЕН ЭНН МАК-НИЛ

Посвящается Карен Энн, покинувшей нас 15 декабря и с тех пор видящей в снах иные миры, лучшие, чем наш. Карен, знаешь, нам тебя так не хватает, мы все время думаем о тебе.

Дэвид Боуи – фрик / Будущий юрисконсульт, живущая на Гавайях / «Ленивые мозги» / Болтушка / Каждому – по улыбке / «Хватит – надоело!» / Чертовы понедельники / Девочки, давайте спросим самих себя, хватает ли у нас свитеров? / Потеряла туфельку на концерте Элтона Джона / Ну... / Прогулки с плеером под дождем / «Яичко» (именно так!) / Самая большая любовь? Фонц⁸, Ричард, прости!

Сборная по волейболу, сборная по хоккею на траве, комитет по подготовке выпускного альбома, фотокружок, лыжная команда.

«Яичко» – такое прозвище было у яйцеобразной, белого цвета «хонды-сивик» Карен; разумеется, Гамильтон с ходу переименовал машину в «Яичник», что, ясное дело, приклеилось к ней намертво. А вообще, многие действительно лучше всего запомнили Карен пробирающейся по школьной

⁸ Фонц – герой одноименного мультсериала, вариация на тему супермена.

парковке к своей машине, в которую потом непременно набивалась целая компания хохочущих девчонок. Карен подбрасывает их до ближайшего «Макдоналдса», чтобы перекусить чего-нибудь. Это «что-нибудь» обычно представляло собой чай с заменителем сахара и половину маленького пакетика жареной картошки.

В альбоме предыдущего выпуска была другая памятная страница:

В память о

Джаред Андерсоне Хансене

«Джар» был лучшим спортсменом школы 1978 года, отличным учеником и хорошим другом для всех нас. Он оставил нас в расцвете сил, но, может быть, нас утешит сознание того, что, когда мы постучимся в дверь иного мира, ответит на наш зов Джаред. Прощай, друг; тебе удалось главное – твоя команда останется с тобой.

«Мальчик для девочек» (...ах!) / Сборная по футболу / Сборная по баскетболу / Тонкий лед на озере Эльведен / Замотай шарф / Джетро Талл / Элвис Костелло / Сантана / В тот вечер в парке Бёрнсайд / Первый, кто стал носить дутые сапоги / Перевернулся в каноэ вместе с Джулией Расмуссен.

...Эй, старик, посмотри на мою жизнь... Я так

похож на тебя, каким ты был когда-то.

Моя страничка в альбоме, как и те, что относились к моим близким друзьям, получилась, может быть, чуть интереснее, чем остальные. Как-никак в редколлегии не последнюю роль играла Венди, как, впрочем, и заклятый враг и завистник Гамильтона – Скотт Фелпс, давно и безнадежно вздыхавший по Пэм.

Ричард Дорланд

Ричард был слишком занят гонками на своем «датсуне» с Хомяком Гамильтоном и не удостоился заполнить выпускную анкету. Славим и приветствуем тебя – единственного, кто не только не сорил в курилке, но даже убирал там мусор! Мы еще долго будем вспоминать – с содроганием – препарированные пороссячи эмбрионы да паяльную лампу в мастерской на уроке труда. Берегись радаров на дорогах, и – удачи тебе, Ричард.

Обгорел на Кипарисовом пляже / «Терпеть не могу быть плохим мальчиком, но...» / Сборная по футболу / «Датсун» латаный-перелатаный / Стереомен / Бесплатные билеты на Стива Миллера / Ну и зубы у тебя, приятель!

Страничка Гамильтона была не столь доброжелательна к адресату.

Гамильтон Риз

Хомячок решил, что остроумнее всего будет нарисовать на выпускной анкете губной помадой здоровенный след от поцелуя и написать поперек матерное ругательство. Ха-ха, смешно. Спасибо за пять лет издевательств над теми, кто слабее тебя, дылда. Надеемся встретиться с тобой году так в 1999-м, на какой-нибудь тексаковской АЗС, где ты будешь работать заправщиком.

Кошмар Дня первокурсника / Пироманьяк / «Ё-мое... а че эт-то там в желе?» / Так и не удостоил вниманием ни одну секцию, ни один кружок / Может стащить бутерброд, если разинешь варежку / Чао, беби.

Венди Шернен

«Умная голова» скрасила не один наш день. Если Венди не придумывает лекарства от рака и не конструирует космические корабли, то, можете быть уверены, она готовит маскарадный костюм на День граффити или тусуется в «Уайт Споте». Говорят, это она сумела сделать модель ДНК из пластмассовых соломинок. Пока, Венди, мы уверены, что первой клевой, шикарной девчонкой в космосе будешь ты.

«Пирожное доедать будешь?» / Слава богу, сегодня понедельник / Лак для ногтей на уроке математики / Сборная по плаванию / Хор / Корень кубический из

«Ревлона»?

Памела Синклер

«Пэм-Известна-Всем». «Паммичок». Она так шикарно выглядит, что... ну просто глаз не оторвать. Эй, Пэмми, спасибо за то, что ты такая красивая. Это благодаря тебе наши баскетбольная и волейбольная команды добились стольких побед. Никак в толк не возьмем, что ты нашла в этом Гамиль... Шутка! Рано или поздно Голливуд окажется у твоих ног.

Вот засада! Увидел – пропал! / Духи «Чарли» / Маленькая синяя расчесочка в заднем кармане / Пэмми, туалет для мальчиков – не курилка для девочек / Набери пару фунтов – и мы будем на седьмом небе от счастья / Сколько можно смотреть в окно... на облака?

Альберт Лайнус

О Лайнусе мы особо распространяться не будем; болтнешь что-нибудь не то, а он возьмет да и наведет лазерный спутник куда надо, спалит еще наши дома... Наш Лайнус (тьфу ты, едва не забыли, что это не имя, а фамилия) – парень неразговорчивый. Свои молодые годы он провел в дымовой завесе, терзая и перенастраивая базу данных компьютерного клуба

знакомств, чтобы подгадать свидание с Жаклин Смит⁹ к нашему выпускному вечеру. Удачи тебе, Лайнус. Твое будущее видится нам блестящим.

«А на какой мы, собственно говоря, планете?» / Две недели кряду в одной рубашке / Э-э... / Фотокружок / Клинекс / Сточные канавы / Корпия.

Я знал Карен всю жизнь; ее сборно-щитовой дом стоял следом за нашим (в псевдотюдоровском стиле) на Рэббит-лейн. С младших классов мы с ней дружили, а к старшим стали той парочкой, которую никто уже не представляет и не помнит порознь.

Карен: в альбоме правильно заметили, что она всегда всем улыбалась. А еще она заразительно смеялась. Не хихикала, не усмехалась в кулачок, а, не стесняясь, хохотала во весь голос, из-за чего на нас порой бросали неодобрительные взгляды в тихих ресторанчиках. Еще она была заядлым фотографом: ее вспышка сверкала повсюду – в школе, в универмаге «Парк-Роял», в гостях и, не менее часто, на природе. Чайки, сбросившие листву деревья, туман в горах, рябь на воде – многое из этого было потом использовано в оформлении нашего выпускного альбома. И при этом, когда мы стали искать в бесчисленных коробках и пачках школьных фотографий снимки Карен, оказалось, что ее почти нигде нет. Редкой на-

⁹ Американская актриса, игравшая одну из главных ролей в сериале «Ангелы Чарли».

градой было обнаружить где-нибудь в углу ее плечо, затылок или случайно попавшие в кадр ноги. Мы вдруг поняли, что Карен, оказывается, всю жизнь вела ненавязчивую, но весьма эффективную кампанию борьбы против фотографирования своей персоны. Не последнюю роль в этом сыграли постоянные претензии ее матери к ее внешности. «*У тебя нос картошкой, волосы слишком уж прямые, ты в общем ничего себе, но никак не красива*». Фотография в выпускном альбоме оказалась едва ли не единственным исключением, она стала тем образом Карен, который надолго сохранился в нашей памяти, вытеснив со временем воспоминания о том, какая она была в жизни. Этот снимок стал своего рода «официальной версией»: правильный овал лица, длинные темные волосы, расчесанные на прямой пробор и спадающие на плечи, как два застывших водопада (сама Карен называла эту прическу «лентяйкой»); шея, которую она считала слишком костлявой, скрыта за высоким воротником свитера; мелкие, приятные черты лица – ничто не перевешивает, не перетягивает на себя внимание. Карен спокойно смотрит с этой фотографии – не на нас, а куда-то чуть в сторону, левее... Туда, куда она ушла от нас 15 декабря? Возможно.

Что Карен *увидела* в тот декабрьский вечер? Какое зрелище из будущего так обеспокоило ее, что она предпочла укрыться в бездонной глубине сна? Что могло так напугать ее, что она в ужасе бросила свое тело и этот мир? Почему она бросила *меня*?! Ну же, Карен – Беб, Конфетка, Звездоч-

ка, – то, что жизнь тяжелая штука, мы все знаем. Уж в этом-то мы убедились очень быстро. Это ведь *ты* сказала мне, что мы в будущем превратимся в живых мертвецов, в зомби. Именно так, не иначе. Теперь давай начистоту: объясни нам, что ты имела в виду? Карен, мне нужен *ответ*. Проснись, ну проснись же! Мы заберемся куда-нибудь, где потише, и поговорим о самом важном. Мы поедем в город, напьемся свежего апельсинового сока. Мы поедем в Штаты и закажем в ресторане стейк размером с матрас.

Поедем в Европу и будем пить шампанское. Да, по пути остановимся в Гренландии – наберем льда для коктейлей. *Тук-тук!* Кто там? Это я, Карен. Нет, это не шутка, не розыгрыш, – *c'est moi*¹⁰. Выйдешь встретить меня? Или позволишь войти?

¹⁰ Это я (*фр.*).

6. Одиночество – это забавно

Семья Карен.

В детстве мы думаем, что все взрослые ведут себя по своим строгим взрослым правилам. Это уже потом, спустя много лет, нас вдруг посвящают в то, что мистер Филлипс из соседнего дома, оказывается, с маниакальным упорством лупит свою жену; что у миссис Оуэн печень распухла, как перекачанный мяч; что мистер Пуласки перетрахал всех своих детей, за что они как-то подловили его вечером Страстной пятницы и зверски избили, сбросив напоследок в сточную канаву. В русле той же традиции мать Карен, Лоис, демонстрировала абсолютную непоследовательность в поступках, оставаясь тем не менее в рамках того, что считается подобающим для взрослых поведением.

Вот вам один пример: еще маленьким я как-то остался на обед у Мак-Нилов. Лоис кипятила воду для макарон и при этом грохотала кастрюлями и дуршлагами, словно африканскими там-тамами. («Это она хочет, чтобы мы поняли, как много ей приходится работать», – шепотом поделилась со мной Карен.) А затем прямо на наших глазах Лоис вдруг ловким движением, словно заправский тореадор, схватила со стола изрядно початый пакетик с сырным соусом и метко забросила его куда-то в недра буфета. «А *это* мы оставим на *более* подходящий случай», – объявила она нам. Мы с Карен

без возражений съели полусырые макароны с маргарином, лишь обменявшись понимающими взглядами. Попить? Вода из-под крана. Салфетки? «Брось, Ричард, ты же мальчишка. Штаны-то тебе на что?»

Карен выросла в атмосфере весьма странного отношения к еде. Лоис, некогда (в 1958 году) претендентка на звание «Мисс Канада», видела в еде нечто чужеродное, потенциально враждебное и опасное. Словно с одушевленного противника, она требовала паспорт, визу и страховку со всего, что так или иначе намеревалось попасть ей в желудок. Причем акцент постоянно делался на чем-нибудь новом. Например, побыв с неделю полной вегетарианкой, она вдруг выдвигала лозунг: «Крахмал, только крахмал!» Карен, естественно, была невольным последователем этих сменявших друг друга гастрономических причуд. Как-то раз, в момент очередного, особо острого приступа Лоисинового вегетарианства – дело было еще в семидесятые, – я совершил чудовищную ошибку, заявив в ее присутствии, что за день до того ходил в стейк-ресторан «У Бенихана». В ответ последовал получасовой патетический «плач Иеремии», посвященный борьбе с мясоедением. Попытавшись вставить слово, Карен была встречена ледяным материнским взглядом. «А ты, дочка, – заявила Лоис, – если бы ела то, что тебе говорят, глядишь, и стала бы чуть привлекательнее, и мне бы тогда не пришлось так переживать за твое будущее». Мне же было дано тактичное пояснение: «Понимаешь, Ричард, у Карен сейчас переходный

возраст... Так вот, а что касается мяса...»

У Джорджа, отца Карен, была кузовная автомастерская; там он и пропадал по шестнадцать часов в день, без выходных и без отпуска. Обедать он предпочитал в тех кафе, куда Лоис не заглядывала. Мы его почти не видели, и это его постоянное отсутствие сработало на создание мифа наподобие стандартной пары «добрый следователь / злой следователь»: будто эта стервозная истеричка миссис Мак-Нил выставляет спокойного, достойнейшего Джорджа из собственного дома. Ни он, ни она при этом не попадали под наше определение «счастливых людей».

– Эх, знать бы, как маме удалось папу заарканить, – как-то раз со вздохом произнесла Карен. – Вот ведь всем секретам секрет. Спросить бы, да как подступишься?..

Лоис выросла в Северной Британской Колумбии и всем своим видом, каждым взглядом и демонстративно искусственной улыбкой старалась выразить снобистское презрение к тем людям, которые – по ее мнению – не трудились в поте лица своего, добывая хлеб насущный. Маленькие шпильки следовали одна за другой: «Мой муж зарабатывает на жизнь своими руками, не то что *некоторые* родители, у которых за всю жизнь ни единой мозоли не было». Это, без всякого сомнения, относилось к моему отцу, который, работая по бухгалтерской части, сумел добиться некоторого благополучия – и только! – попав в самую середину самого что ни на есть среднего класса. На другом конце го-

рода почему-то было принято считать наш расположившийся на склоне горы район цитаделью непрекращающихся званных вечеров – коктейли, мартини, понимаете ли, – и регулярно практикуемого обмена женами. На самом деле все было куда прозаичнее. Тоскливость и тупое однообразие жизни в нашем пригороде отличались почти что естественнонаучной предсказуемостью. Как-то раз, жаря барбекю летним вечером семьдесят шестого года, мама пророчески назвала нашу улицу и окрестности «местом, забытым Богом». В самую точку.

Первый месяц комы Карен можно списать с нашего счета – странный и унылый. Из нас по капле вытекала надежда, и не было даже понятно, уйдет она совсем или нет. К тому же мы все свалились с гриппом, считай, подарок судьбы: не пришлось ходить в школу в последнюю неделю перед Рождеством.

Мы переползали в гости друг к другу да висели на телефоне. В пятницу вечером мне позвонил Гамильтон.

– Ну, мы теперь попали! – сказал он. – В школе, уверен, только про нас и говорят.

С этим мне оставалось только согласиться.

– Вампиры, – описал он одноклассников и прервал беседу, чтобы высморкаться. – Черт, башка раскалывается. Словно на мозги кошки насрали.

В трубке слышались какие-то голоса. Гамильтон поспе-

шил объяснить:

– Папаша решил поучить уму-разуму свою дуру. Ну, он тут подцепил себе подружку в отделе кадров. Молоденькую. *Ой, блин!* А она-то, эта моя будущая мачеха, ему спуску не дает. Ну и дела. Ничего, доживем до того времени, когда они нарожают пачку блондинистых ребятишек. – В доме у Гамильтона завели музыку – завыла пластинка «Бразилия-66». – Ты бы ее видел! Ричард, это не мамаша, это золотистый ретривер! Ладно, подождем, посмотрим, скоро ли она наставит ему рога. Тут уж не до смеху будет. – Тяжелый вздох в трубке. – Пойду я... Все... Блин! Го-ло-ва. Бо. Лит. По. Ка.

Бип-бип-бип.

Через пару минут позвонила Венди и сказала, что Лайнус у нее и они без особого энтузиазма сооружают пряничный домик.

– Думали сделать хоббичью нору, а получилось что-то вроде гитлеровского бункера. У Лайнуса грипп прошел. Он сейчас собирается съездить проведать Карен. Передать туда что-нибудь?

– Нет.

Лайнус был назначен нашим полномочным посланником, вот только толку от него было мало. Никакой связной, полезной информации от него было не добиться – он не мог вспомнить, открыты ли глаза Карен, не мог внятно описать оттенок ее кожи; его интересовало все неодушевленное –

всякие там приспособления и аппараты. В общем, рассказ его представлял собой нагромождение бессмысленных деталей.

– Знаете, какие у нее стоят капельницы? Чего они туда намешивают? Непонятно, как можно накормить человека какой-то прозрачной жидкостью. Я думал, что она должна быть погуще, ну, вроде пюре, что ли...

– Это трубка искусственного питания, она проведена прямо в желудок, – пояснила мне Венди. – Похоже, что Карен волей-неволей пришлось бросить курить. Как страдает ее тело.

Гамильтон спросил напрямик:

– Ты *ее саму-то* видел, или это для тебя научно-популярная экскурсия была? Можешь ты просто сказать – *как* она там?

– Да нормально вроде... Питание поступает через одну трубку, продукты жизнедеятельности отводятся через другую. Тут проблем нет. Если, конечно, не задумываться о том, что ее тело сравнялось, по сути, с дождевым червем – этакий биопроцессор по переработке еды в компост...

Я взбеленился не на шутку.

– Лайнус! *Как* она там? Она *двигается*?!

– Э-э... ну, вообще-то... да. У нее глаза были открыты, и когда я провел перед ее лицом рукой, яблоки, то есть зрачки, повернулись следом...

– Что? Так она в сознании?

– Да нет же! Глаза – да, открыты, но, по-моему, она все равно спит. Да, еще у нее на тумбочке стоит маленький приемник. Как раз передавали что-то в стиле диско – сестер Следж, что ли? – Лайнус был явно доволен, что припомнил такую ненаучную деталь.

Нам все-таки позволили навестить Карен за два дня до Рождества. Ослабевшие от болезни и наглотававшиеся всяких лекарств, мы старались держаться подальше от ее кровати. Лайнус оказался прав: зрачки Карен действительно реагировали на движение руки. Это изрядно приободрило нас. Когда в больничный холл вышел доктор Менгер, мы радостно сообщили ему о своем великом открытии. Врача эта новость ничуть не обрадовала, он провел нас в буфет и усадил всех за столик.

– Ребята, я не хочу вас расстраивать, но ваша подруга Карен находится в так называемом стабильном вегетативном состоянии. Она абсолютно не воспринимает и не ощущает ни себя, ни окружающую среду. У нее инстинктивно происходит циклическая смена фаз сна и бодрствования, но не более того. Ее мозг не контролирует даже функции кишечника и мочевого пузыря. У нее нет спонтанных реакций на звук, свет, движение. Она не воспринимает речь. И, к сожалению, надежд на выздоровление вашей подруги очень мало. Настолько мало, что каждый подобный случай становится большим событием и надолго привлекает к себе внимание прессы. Вот, пожалуй, и все, что я собирался сказать вам.

– А глаза?! – чуть не взвизгнула Пэмми. – Она же двигает глазами, когда у нее перед лицом проводишь рукой!

– Это ложное впечатление, – объяснил врач. – К сожалению. Это движение зрачков – всего лишь безусловная рефлекторная реакция на внешнее раздражение. Высшая нервная деятельность здесь ни при чем.

А мы так надеялись, думал я, пока мы ехали к Пэмми.

– Ой, ребята, я же к Рождеству ничего еще не купил, – вдруг вспомнил я. – Слушайте, давайте в этом году не будем дарить друг другу подарки.

Все согласились с готовностью, без лишних эмоций. Мои домашние в то Рождество получили шоколад да какие-то яркие журналы из ближайшего магазина, наскоро завернутые в кухонную фольгу и врученные без всякого энтузиазма.

Встреча Нового года и нового, свеженького десятилетия прошла и вовсе серо. Разве что Гамильтон приволок остатки петард с Хэллоуина и довольно вяло взорвал бункер Гитлера. Потом мы еще по пиву выпили да в настольный теннис поиграли. Все.

* * *

Наступил 1980 год.

У нас установился своего рода круговорот посещений Карен, Мак-Нилы тоже бывали у нее каждый день. Некоторая заминка случилась только с ее мамой. Миссис Мак-Нил все

еще не могла простить Пэмми и Венди те злосчастные пару глотков водки с лимонадом, поэтому девчонкам приходилось по-тихому сваливать из больницы, если в ее окрестностях намечалось появление Лоис. Отец же Карен встал на нашу сторону.

– Бог ты мой, Лоис! – вновь и вновь повторял он. – Это же дети! Никто не хотел ничего плохого. Пить Карен никто не заставлял, да ведь и не *это* скорее всего главная причина.

Миссис Мак-Нил оставалось только заткнуться, когда ее муж говорил:

– Между прочим, очень даже возможно, что именно *твои* таблетки загнали ее в это состояние. Так что нечего строить из себя невинную овечку! (Ой, *спасибо вам*, мистер Мак-Нил.) Судя по всему, она не в тебя пошла – столько лекарств ее организм не выдержал. (Класс!)

Впрочем, уже после праздников у всех стали находиться причины – вполне убедительные, – чтобы пропустить визит в больницу. А к концу января из постоянных посетителей остались только родители Карен и я. Мистер Мак-Нил ежедневно приезжал к дочери из мастерской и как-то раз искренне признался мне, что вроде даже и не понимает, как это он мог бы взять и не прийти. Только мы двое и навещали ее каждый день.

– Знаешь, Ричард, – сказал он мне, – мы ведь с ней так ни разу по-настоящему и не поговорили. Представляешь себе? Все работа, работа... Думаешь, что потом успеется. Мне

кажется, сейчас я к ней ближе, чем когда-либо, даже ближе, чем в дни ее рождения. Жаль, что она об этом никогда не узнает.

– Мистер Мак-Нил, когда-нибудь узнает.

– Что? Да, ты прав. Когда-нибудь.

В один из февральских дней, когда уже кончились каникулы и вовсю шли занятия, я вернулся из школы и вдруг увидел около дома отцовскую машину. В четыре часа дня, на два часа раньше обычного. Чтобы мой пунктуальнейший отец нарушил привычный распорядок дня, должно было произойти нечто выдающееся – плохое или хорошее. Я вошел в дом через кухню и прислушался. Мама о чем-то говорила по телефону, слышалось шуршание отцовской газеты. Я перешагнул порог гостиной и осторожно поинтересовался:

– Что-то случилось?

– Ричард, – голос мамы был предельно мягок и ласков, явно с целью смягчить шок, – Карен беременна.

Столб пламени, родившись под теменем, пронзил меня сверху донизу. Тело словно покрылось перьями, на лбу будто прорезались рога. Желудок скрутило, ноги окаменели. Предохранялась ли она? Я ведь даже не спросил. Первый выстрел – в яблочко. Сперминатор, блин.

Отец сказал:

– Сегодня утром нам позвонили из больницы. Потом мы пообедали вместе с Мак-Нилами.

Тут в разговор снова вступила мама:

– Ты только насчет нас не волнуйся, Ричард. Мы все понимаем. И за ребенка можешь не переживать; скорее всего все будет нормально. Такие случаи бывали – я имею в виду беременность у женщин, находящихся в коме. Ты же знаешь, мы любим Карен как родную дочь.

У меня в голове редела сирена.

– Ричард, в медицине описано немало случаев, когда у женщин в коме рождались дети, – сказал отец. – *Ричард?*

– Да-да. Ой, дайте минуту... понять...

Огонь; горло сдавило, не вздохнуть, не смешно, шуткахватила через край.

– А Карен? – спросил я.

– Ну, принимая во внимание ее состояние, все неплохо. Роды в сентябре, будут делать кесарево сечение.

Мысль об аборте пронеслась у меня в мозгу, но тотчас же исчезла. Нет. Этот ребенок должен появиться на свет.

– Ричард, – сказал отец, – если об этом станет известно, журналисты сожрут тебя, как змея мышь. Вы с Карен превратитесь в клоунов в дешевом балагане.

– Ты должен сделать так, – вслед за отцом повторила мама, – чтобы никто, даже друзья, ничего не знали. Мы на этом настаиваем. Через несколько месяцев, когда внешние признаки скрыть будет невозможно, мы объявим, что у Карен проблемы с дыханием и к ней никого не пускают.

– А если она проснется? – зачем-то спросил я и по взгля-

дам родителей понял бессмысленность этого вопроса. – А... а кто будет заботиться о ребенке? – Я мысленно представил себе, что держу на руках спеленутого младенца. В голове неотчетливо всплыло слово «свивальник».

– Миссис Мак-Нил (*ни фигу себе!*) с готовностью вызвалась его растить. Мы тоже были бы рады взять малыша к себе, но она настаивала на своем особом праве. Разумеется, мы возьмем на себя часть расходов; тебе, кстати, тоже придется это учитывать, когда начнешь работать. Ричард, ты теперь отец, и у тебя будут соответствующие обязанности. Но учти, до тех пор, пока все не утрясется и не забудется, ребенок будет числиться кем-нибудь из двоюродных «племянников» или «племянниц» Мак-Нилов, взятых в семью на воспитание после случившейся трагедии.

– У ребенка будет их фамилия?

– Да. А что – тебе это не нравится? – спросил отец.

– Ну... – Я был слишком потрясен, чтобы дать связный ответ.

Спокойствие не раз выручало родителей в жизни: самые сногшибательные новости они встречали невозмутимо, трезво и немногословно. Я еще толком не переварил само известие, так что дальнейшее обсуждение деталей можно было смело оставить на потом.

– А ребенок, он будет... нормальным? – спросил я. – Мозг там, способность думать?..

– До этого еще далеко, сынок, – сказала мама. – Вот когда

придет время, тогда и подумаем.

7. Если ты думаешь о будущем, значит, ты чего-то хочешь

И время пришло.

Семидесятые кончились. С ними ушли покой и мягкость. Больше нельзя было прикидываться простодушным. Нас закрутил водоворот все ускоряющегося времени. «Хонду» Карен продали. Ее одежду, косметику, детские игрушки и дневники распихали по коробкам и сложили в пыльный чулан под черной лестницей дома ее родителей. Карен постепенно стиралась из памяти знакомых. Она уже была не личностью, скорее – образом: кто-то, если не что-то, спящий где-то, в какой-то комнате... Где же она? Да так... где-то, думаем мы.

Последние месяцы школы проплыли словно широкая, неторопливо текущая река остывающего какао. Бесцеремонное декабрьско-январское разглядывание со стороны одноклассников прекратилось, но все равно я время от времени ловил на себе осуждающий или сочувствующий взгляд, а то и слышал за спиной сдавленный смешок. Мы впятером превратились в беззащитные перед всеобщим интересом достопримечательности. Когда мы шли к стоянке, ребята шеи сворачивали, провожая нас взглядами. С их точки зрения, мы немногим отличались от убийц, по какой-то причине все еще разгуливающих на свободе. Порой мне казалось, что они ничуть бы не удивились, ворвись мы в бар ближайшего клу-

ба, хлебни по глотку бурбона, разгроми всю мебель, испиши все стены проклятиями и ругательствами, причем – со-бачьей кровью.

В будние дни я частенько уходил с уроков; мне нравилось сидеть на траве под кедрами за пожарной частью, где я мог бездельничать, курить, резать перочинным ножом тонкие веточки и думать – думать о ребенке, о Карен, о том, что она тогда увидела. Что все это могло значить?

Пока я сидел и решал эту головоломку, Гамильтон развлекался, опуская кусочки сворованного в лаборатории натрия в лужу, а Пэм все расчесывала и расчесывала волосы своей голубенькой пластмассовой расческой. Школа стала чем-то из прошлого. Что-то сломалось, и мне стало все равно. Ходить в школу я продолжал скорее просто по привычке. Другое дело – Венди и Лайнус. Эти с удвоенной силой взялись за учебу и дни напролет зубрили свои уравнения и формулы: политетрафторэтилен; гравитация; расчет орбиты Луны... Оба они закончили учебу с отличием, и кто бы мог подумать, что я – некогда подававший большие надежды, – едва сдам выпускные экзамены, скорее по милости неплохо ко мне относившихся учителей, уже прозревавших, что бывший кандидат на золотую медаль станет, не выпуская из зубов сигареты, драить чьи-то «бьюики» на автомойке да шататься ночами по улицам за компанию с Гамильтоном Ризом.

В день выпуска, в начале июня, Карен, у которой начался

третий триместр беременности, перевели в родильное отделение. Я заехал посмотреть на ее перемещение в парадном виде – в синем, по тогдашней моде, смокинге и со стильной прической «перышками». Как мне казалось, выглядел я хоть куда. Мистер Мак-Нил даже присвистнул и сказал, обращаясь к Карен:

– Эй, дочка, а вот и твой принц на белом коне.

Медсестра разрешила мне переложить Карен на каталку. Господи, какой же она оказалась худой и легкой! У меня было ощущение, что я держу в руках несколько щепок, не больше. Я ведь не обнимал Карен с того вечера в лесу на склоне. Я заглянул ей в глаза, наши зрачки встретились, но контакта не произошло. Я словно ткнулся взглядом в глаза аквариумной рыбки, нет, даже *фотографии* аквариумной рыбки. Живот ее вздулся, как опухоль на стариковской шее.

Через некоторое время я припарковал свой «датсун» на Чартвел-драйв, где должен был проходить выпускной вечер. Стены из натурального камня, живая изгородь, карликовые кусты. Светило яркое солнце. Мне вдруг показалось, что я проспал всю дорогу от больницы – впрочем, машина и я сам остались в целости. Вынимая ключ из замка зажигания, я подумал, что ведь Карен запросто может никогда не проснуться. Я же видел ее глаза, они *мертвы*. Моя шапкозакидательская надежда куда-то пропала, уступив место чувству потери и отчаянной горечи. Я сидел в машине, всасывая в себя воздух, напрягая грудную клетку, прячась от проходивших

мимо одноклассников. Мне все же не хватало воздуха, живот ныл так, словно я только что сделал штук двести приседаний. Вдруг кто-то деликатно постучал в окно машины; дверца чуть-чуть приоткрылась, и в образовавшуюся щель я увидел Венди в странном, сшитом ею самой желтом платье; прическа ее больше всего походила на пучок медных телефонных проводов. Она скрючилась, чтобы не попадаться никому на глаза. Я промычал что-то невнятное, она посмотрела на меня и спокойно сказала: «Ричард, Карен была бы сейчас здесь». Я кивнул, и мы оба посмотрели вверх, на потолок машины – с никотиновой желтизной, отпечатками Гамильтоновых ботинок, следами тычков зонтиком и сигаретными ожогами.

Венди сказала: «И Джаред...» – и вдруг села, скрестив ноги, прямо на щебенку – камешки примяли ей платье, и из этих камешков она стала машинально строить пирамидки – этикие грустные тотемные столбики.

– Джаред тоже должен был быть с нами. – Венди вздохнула и расслабила плечи; я тоже слегка расслабился. – Я была в него влюблена, – добавила Венди.

– Ну да, я думаю, многие догадывались, что ты по нему сохнешь, но... только ты не обижайся... Правда, Венди, если уж на то пошло, то запишись в список и стань в очередь. Он переспал, наверное, с половиной класса.

– Я об этом никому не говорила, ну, о том, что люблю Джареда. Даже маме. Смешно как-то получается. Как произ-

несла эти слова – выпустила их наружу – они стали значить совсем другое.

Взмахом руки она снесла старательно выстроенную пирамидку.

Я же сказал:

– Они бы сегодня были в центре внимания. Они бы просто блистали...

Мимо нас по дороге проносились мощные машины. Из здания долетали вопли Боба Сигера. Я успокоился. Дышать стало легче, и я сел нормально.

– Пойдешь туда? – спросила Венди.

– Вообще-то не тянет.

– Давай съездим куда-нибудь, прогуляемся. А с нашими потом пообщаемся, в гостинице.

Мы доехали до долины реки Капилано, где, оставив машину, пошли пешком по тропинкам. Говорили мало, что было к лучшему. На нижней ветке одного из кленов мы нашли гнездо дрозда с тремя крохотными птенцами – слабые шейки, бесперые головки. Они ждали, когда мама-птица притащит червяка. Солнце светило по-прежнему ярко, пробиваясь сквозь листву снопами прожекторных лучей – прямо в стиле слащавых картинок из серии «Иисус-любит-тебя». Птенцы были словно подсвечены изнутри – этакие елочные игрушки или лампочки с гирлянды. Каждая вена проступала со всей отчетливостью, каждое чуть заметное перышко, глазки, разинутые клювики. А потом такой же луч упал на

платье Венди, и у меня перехватило дыхание.

– Ричард, ты что-то скрываешь. Я права? Ричард?

– Да.

– Можно, я попробую угадать? Если получится, ты не обманывай, подтверди. Согласен?

– Идет.

– Карен беременна.

Я обернулся.

– Да.

– Какой срок?

– Шесть месяцев.

– Я *так* и думала. – Подняв кленовый лист, она стала смотреть сквозь него на солнце. – Ну, а ты *как*?

Я швырнул палочку.

– Я еще слишком мал, чтобы быть отцом. Слишком мал, чтобы быть вообще кем-либо. Мне всего семнадцать лет. Я еще живу с мамой-папой. Во все это просто не верится. Только ты никому не говори, ладно?

– Могила, – буркнула она, снимая травинку с платья. – Это будет... как если бы частичка Карен вернулась. Я по ней так скучаю. Мы ведь никогда не говорим об этом. Но мне ее очень не хватает. Тебе тоже?

– Еще бы.

– Только мы почему-то вслух не хотим в этом признаться.

– Получается, что нет. – Вот все, что я смог ответить. – Только и молчание мне тоже не нравится.

Я тогда еще не понимал, что быть взрослым – это во многом необходимость мириться с противоречивостью, нелогичностью и даже странностью собственных ощущений и мыслей. Юность же – это время, когда живешь ради каких-то воображаемых зрителей.

Краски леса сгустились. Небо приобрело цвет глубокого чистого озера. Я сорвал несколько припозднившихся цветков рододендрона; последние волшебные лучи пробивались сквозь лепестки, окрашиваясь в тропическое пурпурное сияние.

Мы заехали в больницу к Карен. Венди приложила ухо к ее животу. Я поставил рододендроны в вазу, которую перенесли в эту палату из той, предыдущей. А потом мы поехали в город, в отель «Ванкувер», на выпускной вечер.

То лето я отработал на шевроновской заправочной станции, не замечая ни колонок, ни клиентов, которые наверняка принимали меня за слабоумного. От того лета в памяти у меня остались только неясные отрывки, обгоревшие на солнце шеи, пивные бутылки, позвякивающие в багажнике «датсуна», походы за черникой с Пэм и Венди и костры на берегу моря.

Конец эпохи.

Всем, кто справлялся о здоровье Карен в больнице, отвечали, что ее состояние стабильно. Никаких посетителей. Никто, впрочем, не протестовал против такого изменения ре-

жима. Летом единственными посетителями Карен остались я и Джордж. Венди, с ее по-ученому четким голосом, помогала мне поддерживать правильный тон в общении со знакомыми и не проговориться. Гамильтон, Лайнус и Пэм как-то незаметно исчезли из поля зрения. Я на них не сердился за их отсутствие. По правде говоря, Карен особо *не* менялась от недели к неделе; как эти ни жестоко, запас того, что можно было увидеть и сказать в ее палате, уже иссяк.

Сам я часто о ней думал. Единственный раз, когда мы были вместе, – это было так здорово. Я бесчисленное число раз проигрывал в голове тот день, наслаждаясь тончайшими нюансами ощущений. Вот ее кожа – словно молоко на фоне снега. Вот сам снег, его запах. Ее хлопчатобумажное, с кружевной оборочкой белье, холодное до сухости. Я так и не сказал ей, что люблю ее. Сентиментальность, конечно, но такие вещи не отпускают: слишком многого они стоят. К концу лета я даже пришел к выводу, что так и не успел *узнать* Карен как следует. Какой она была – внутри? Это делало ее еще более таинственной. По вечерам, когда такие размышления совсем уж доставали меня, я позволял себе немного поплакать, потом шел во дворик – проветриться, а затем возвращался домой и присоединялся к родителям, бодро смотрящим по телевизору новости. Я садился рядом с ними и делал вид, что все хорошо.

К концу августа, когда ждать родов оставалось всего ничего, я понял, что живу, нет – существую, как под купо-

лом перевернувшейся лодки: в духоте, зловонии и под еже-секундной угрозой удушья. Такое существование долго про-должаться не могло. Джордж по-прежнему ежедневно наве-щал дочь, я же стал появляться реже, особенно по будним дням. Говорили мы с ним мало, а если разговор и заходил, то быстро скатывался к обмену банальными милыми словечка-ми – от которых почему-то казалось, что Карен находится в коме уже целую вечность. Кроме того, Джордж пускался в слезливые воспоминания о дочери. Например, как она пела в «Оклахоме» на школьном спектакле.

– Ричард, она была хорошенькой девочкой, правда?

– Джордж, она такая и есть.

– Помнишь, как она играла на гитаре на годовщине нашей свадьбы?

– А то!

– Такая была хорошенькая...

Потом он вздыхал и начинал негромко напевать куплет из «Оклахомы»:

– *Выходи ко мне вечером, крошка, и я вот что тебе по-кажу...*

– Как дела в мастерской? – спрашивал я, чтобы поскорей сменить тему.

Лоис же хоть и не вычеркнула Карен из списка живых окончательно, но, несомненно, проявила больший прагма-тизм, чем ее муж. Ознакомившись со статистикой относи-тельно пациентов в коме и длительном вегетативном состоя-

нии, она убедилась в том, что с каждым прожитым днем надежды на выздоровление Карен приближаются к нулю.

В начале беременности Карен Лоис относилась ко мне едва ли с большей теплотой, чем к анонимному донору спермы. Впрочем, она скоро поняла, что для юридического оформления опеки над ребенком ей потребуется мое согласие, а значит – придется быть со мной любезнее (что явно представляло для нее сущую пытку).

Я же с течением времени начинал все сильнее злиться на Лоис. Она ведь фактически отбирала у меня ребенка. Не то чтобы у меня была масса других выходов, но все равно – так было нечестно: просто ворваться в мой мир и вырвать из него ребенка. Только благодаря долгим разговорам с отцом, рисовавшим живописные картинки ожидавшего меня будущего, я был вынужден согласиться, что оставить малыша с Лоис будет правильнее всего. По крайней мере до поры до времени.

Мы встречались в больничных коридорах.

– Ах, Ричард, это ты. Привет. Ну что, еще один день? Растем-мудреем?

Верблюжьей шерсти пиджак, белые перчатки. Обмен любезностями давался ей нелегко. Относьсь она ко мне хорошо или плохо, творческого начала ей это не прибавляло. То немногое, что в ней было артистичного, по всей видимости, без остатка ушло на коллекционирование свиных фигурок. Встречаясь с Лоис в больнице или на улице, я был вынужден

брать себя в руки, чтобы достойно выдержать проявления ее участливого ко мне отношения.

– Ричард, а ты не так уж плохо выглядишь. Я-то слышала, ты приболел. (Неловкая пауза.) М-м... тебе идет этот цвет, носи почаще. (Неловкая пауза.) Ну, она там. Все вроде нормально. (Лоис перестала называть дочь по имени, Карен была низведена ею до безликого «она».)

Лоис, снимая перчатки:

– Как родители?

Она явно менялась в лучшую сторону. Но что было тому причиной? Доверять ей полностью я все равно не мог. Несомненно было то, что Лоис *ждала* этого ребенка как своего собственного. Уверен, она хотела бы оказаться рядом с акушером во время родов, хотела бы вырвать младенца из матки, перегрызть искусственными зубами пуповину и сбежать с добычей, бросив Карен в беспробудном сне, забыв о ней раз и навсегда. Это позволило бы Лоис начать новый проект, подключить к освободившемуся после отключения Карен разъему новое устройство – новорожденного младенца.

Я по-прежнему считал беременность Карен своей персональной тайной. Кроме проницательной Венди не было ни одного человека, с которым можно было бы поделиться этим секретом, что только добавляло происходящему ощущения нереальности. Обе семьи шли на такие жертвы из чисто прагматических соображений – *никаких* чувств и эмоций. Я ощущал себя арбузом, который вот-вот, через секунду, разнесут

вдребезги одним ударом бейсбольной биты. Дети в семнадцать лет? Это что же – в тридцать четыре я смогу стать дедушкой? Какую роль я сумею честно разыграть перед собственным ребенком? Какой от меня толк, если Лоис возьмет на себя все функции матери? Впрочем, от меня, по всей видимости, никто ничего и не ждал.

Мои родители готовились к рождению малыша абсолютно невозмутимо. Время от времени они обшаривали кладовки и гараж, выискивая очередную коробку с детскими вещами, чтобы отдать их Лоис. Карен они навещали примерно раз в месяц. Кроме того, мама делала над собой преизрядное усилие и раз в неделю или около того ходила к Лоис в гости. Мама, внутренне подобравшись, нажимала кнопку звонка, вызывая у истеричной кудлатой болонки миссис Мак-Нил приступ бессмысленного тьяканья.

– Привет, Лоис.

– А, Кэрол, здравствуй. Заходи. Ой-ой-ой, вид у тебя усталый. Только осторожно, не зацепи сову. Я только что купила новую фигурку, и она очень хрупкая. Нет, подожди, дай-ка я ее переставлю куда-нибудь, чтобы ты не уронила. Что это ты принесла? А, опять детские вещи? Да, поставь там, рядом с остальными коробками. Зря ты так стараешься. Чего там искать, беспокоиться. Осторожно! Сова... ой, нет, отнесу-ка я ее в другую комнату. Только не шевелись. Что это собака разгавкалась? Ты, наверное, кофе хочешь? Подожди здесь, я пойду приготовлю. Извини, Кэрол, не могла бы ты снять

туфли. Просто у меня вечером гости.

– Спасибо, Лоис.

Кесарево сечение было назначено на второе сентября – день рождения Карен. Накануне вечером дождь лил как из ведра, но воздух был теплым и манящим. Я вышел во двор и сел в шезлонг под навесом. Заснуть мне никак не удавалось. Чтобы хоть как-то привести себя в нормальное состояние, я принял успокоительное – пухлую зеленую таблетку хлоралгидрата, оставшуюся с тех пор, как несколько месяцев назад мне вырвали зубы мудрости. Тогда, под барабанную дробь дождя, в парусиновом дачном кресле, я испытал то, что, пожалуй, можно назвать единственным в моей жизни видением. Это выглядело так.

Моя голова оказалась в центре сверкающего, искрящегося, чуть дрожащего свечения. Я встал, меня подняло над навесом, над двором и потянуло вверх все быстрее и быстрее – в космос, по направлению к Луне. Там, на темной ее стороне, освещенной лишь звездами, я увидел Карен. Она казалась удивительно чистой, на ней была спортивная куртка, коричневые вельветовые джинсы и красные ботинки, в руках – сумочка. Волосы ее развевались по ветру, даже там, на Луне. Она курила. Затянувшись, она обратилась ко мне (как же долго я не слышал этого голоса):

– Ричард, привет! Как дела, Беб? Ты только посмотри *на меня!* А ведь когда-то мы все были здесь, на Луне, но потом

нашли дорогу домой. Веришь мне?

Я сказал, что да.

Тогда она сказала:

– Я не исчезла, не ушла. Ты *это* знаешь?

Я ответил:

– Знаю.

– Ричард, позаботься о Меган.

– Обязательно.

– Здесь так одиноко.

– Мне там тоже одиноко. Я скучаю по тебе.

– Все, Ричард, до свидания. И знай – это не навсегда.

– Карен, *где* ты сейчас?

Она выбросила недокуренную сигарету в кратер размером с мангал для барбекю и сказала таким тоном, словно я не смог решить простейшее уравнение на уроке алгебры:

– Ну, знаешь!.. До встречи, Биб.

Легким движением она перепрыгнула через кратер и скрылась за его дальней кромкой.

Потом была вспышка и сноп голубых искр. Я помотал головой. Видение кончилось. Дождь все так же барабанил по крыше.

Луна.

Дом.

По-прежнему, несмотря на таблетку, не желая спать, я обулся и тихонько, незаметно пробрался во двор к Мак-Нилам через заднюю калитку. Я прошел к тому месту, откуда

было видно окно бывшей комнаты Карен. В нем еще горел свет. Я подобрался поближе и выглянул из-за ракитника. В комнате, у стены с теми самыми лунными обоями, стояли коробки с детскими вещами. Миссис Мак-Нил зашла в комнату, поставила к стене еще одну коробку, устало села на нее и тяжело вздохнула. Никогда раньше я не видел ее уставшей.

Уходя из комнаты, она выключила свет. Было темно. Шел дождь. По нашей пустынной пригородной улице проехала машина. Мимо подвалов, проигрывателей, мимо желтых фонарей над мокрой дорогой. Мимо меня.

Потом я вернулся к себе, разделся и лег спать. Мама разбудила меня в половине седьмого. Мы все вместе – она, папа и я – поехали в Лайонс Гейт.

8. Земная печаль

Как только наша дочь появилась на свет – около двадцати минут девятого, семь фунтов четыре унции весом, – стало ясно, что нет никакого смысла пытаться выдать ее за «племянницу» миссис Мак-Нил. Она была улучшенной, смягченной, женской, но стопроцентной копией меня, словно я сумел размножиться почкованием. Господи, да есть ли в ней хоть один ген от Карен?

Сама Карен перенесла роды без единого признака хотя бы кратковременного проявления высшей нервной деятельности – на что мы все втайне очень надеялись. Как же может быть, что женщина переживает такое потрясение, как роды, даже не зная об этом? Миссис Мак-Нил почти забыла о Карен, как только прижалась к стеклу палаты родильного отделения; она загукала и даже стала непроизвольно пританцовывать от радости.

– Какая крупная! Какая розовощекая! – ворковала Лоис. – А как ножками дрыгает... Гу-гу-гу. Моя будущая балерина. Просто идеальная малышка. Ничто так не способствует сохранению формы головы младенца, как кесарево сечение.

Мы с мамой терпеливо ждали, пока Лоис извергала на малышку водопад сентиментального сиропа. Но если разобраться, наш ребенок действительно был потрясающим – потрясающим и *моим*. Как знать, может быть, эта девочка

встретит и 2100 год. Может быть, ей суждено спасти мир. Я постучал по стеклу, сказал: «Гу-гу», – она посмотрела на меня – и все, я пропал. Она покорила меня. Вот так просто и быстро.

По предложению Лоис было решено отметить рождение девочки, и надо же было судьбе распорядиться так иезуитски, что выбор пал на ресторанчик на вершине горы Гроуз – снежком добросить до того места, где была зачата моя дочь.

– Неужели прошло всего девять месяцев? – тихонько спросил я маму, пока мы ехали в качающемся вагончике подвесной дороги; я здесь оказался впервые с декабря.

– Да.

– Ощущение такое, словно девять лет.

– Ты еще молодой.

– Ты можешь в это поверить? – спросил я, глядя на огоньки в нашем районе.

– Все замечательно. Честное слово, все будет просто здорово, – пообещала мама.

Мы проплыли над Кливлендской дамбой и черным зеркалом водохранилища. Я снова попытался вычислить наш дом в россыпи мерцающих янтарных огней.

Мама тихо, чтобы не услышали другие, спросила:

– Ты скучаешь по Карен?

– Да. Все время.

– Я так и думала. Ой, смотри, наш дом!

Негромкий голос из динамика сообщил, что мы прибыли на верхнюю площадку. В ресторане от высоты и бокала белого контрабандного вина у меня поплыло в голове, стали путаться мысли. Честно говоря, за столом я ощущал себя скорее приглашенным по случаю божком плодородия, чем отцом. Мое отцовство было указано разве что в примечаниях к основному тексту. За ребенка пили, за меня нет. Просто если стали бы уделять слишком много внимания *мне*, пришлось бы заводить разговор на темы, на которые было наложено негласное табу, – например, подростковый секс и проблема внебрачных детей.

Отец вдруг спросил:

– А кстати, кто-нибудь уже озаботился выбором имени?

– Меган! – мгновенно вырвалось у меня. – Я хотел сказать, что, по-моему, Меган – неплохое имя.

Лоис посмотрела на меня, улыбнулась и сказала:

– Ну что ж, Меган – замечательное имя.

Чуть позже, когда она отлучилась в уборную, Джордж рассказал мне:

– У нас лет десять назад должен был быть ребенок. Но случился выкидыш. Девочка. Лоис уже выбрала ей имя – Меган. Ричард, ты об этом знал?

– Нет. Просто это имя, я его услышал... во сне, сегодня ночью.

Слово «видение» я благоразумно решил не употреблять.

– Ну что ж, значит, это счастливое совпадение. Отличное

валлийское имя. Предлагаю за это выпить.

Так наша дочь стала Меган Карен Мак-Нил.

Первые месяцы жизни Меган пролетели как-то мимо меня. Лоис же, наоборот, пришлось взять на себя все заботы и выдерживать бесконечный плач, рев, визг и крик младенца. К ее чести следует признать, что вынесла она это безропотно. Мама говорила, что Меган стала настоящим подарком судьбы для этой женщины, которой, в общем-то, и нечем было особо заниматься в жизни, если не считать коллекционирования совят да примитивных игр с болонкой.

Я же – пусть меня и воспринимали как всего лишь донора спермы – все равно был гордым и счастливым папашей, разве что в способах проявления своих чувств был изрядно ограничен. Я был вынужден держать язык за зубами и не расхваливать свою самую замечательную в мире дочку на каждом углу, по крайней мере до окончания предварительно оговоренного годовичного эмбарго на «эту новость».

Лоис частенько заглядывала с Меган к нам. Та вела себя как и подобает нормальному младенцу – агукала, булькала, хрюкала, а также пачкала пеленки в свое удовольствие. Так моя мама тоже вкусила прелести осознания себя столь молодой бабушкой; не могу не заметить, что всякий раз, провожая взглядом удаляющуюся коляску Меган, вздыхала она не без облегчения.

Еще в сентябре я поступил на курс бизнес-подготовки в колледже Капилано. Это хоть как-то заняло мои мысли, пришедшие к тому времени в полный раздрай от размышлений о Карен и Меган. Взрослая жизнь, хорошая ли, плохая, мчалась вперед на всех парах. Кончились долгие прогулки по окрестностям в любое время, только захоти. Кончились и уроки, которые можно было прогуливать. Появились арендная плата, счета за коммунальные услуги, налоги. Подростковые мечты о работе на Гавайях или профессиональном лыжном спорте сменились новыми, привлекательными в силу той самой новизны, картинами несерьезных беспорядочных связей и захватывающей суматошной столичной жизни. Венди никого в общем-то не удивила, решив стать врачом; она перебралась на другой конец города в Университет Британской Колумбии. Пэм продолжала работать манекенщицей. Лайнус, которому всегда нравилось возиться с запалами, газами, жидкостями, предпочел не отрываться от любимого времяпрепровождения; такая возможность представилась ему в университете Торонто.

Цели в жизни не было только у меня и у Гамильтона. Он тогда подрабатывал продавцом в «Радио-шэк» в Линн-вэлли. Как-то раз он сказал:

– Ричард, представь, что тебе уже лет сорок. И вот приходит к тебе кто-то и говорит: здорово, познакомься вот. Это Кевин. Кевину восемнадцать лет, и он будет решать, что и как тебе делать на работе. Лично я бы просто взбесился. А

ты что скажешь? Но ведь в жизни так сплошь и рядом: самые принципиальные решения типа «кем быть?» принимает восемнадцатилетний остолоп, который ни хрена в жизни не смыслит!

Он передернул плечами.

Незадолго до Рождества, одевшись для дождливой погоды, мы впятером собрались на прогулку. Решено было совершить разведывательный марш-бросок по железнодорожным путям в районе Орлиной гавани. Хождение по путям всегда нравилось нам. В этом занятии отлично совмещались получение порции адреналина – какое-никакое, а нарушение закона, – и возможность оценить потрясающей красоты виды на океан. В качестве бонус-удовольствия выступала щекочущая нервы возможность обнаружить – в духе дешевых боевиков и детективов – припрятанный в придорожных кустах труп.

Щебенка на насыпи скрипела под каблуками; Лайнус с Венди затеяли бесполезное обсуждение структуры молекул креозота; Гамильтон время от времени гавкал на них: «А ну, поторапливайтесь там! Даже Пэмми сегодня в нормальной обуви, не на шпильках. Не дадим ей пожалеть о сделанном выборе!» Мы решили пройти насквозь почти двухмильный тоннель – весьма соблазнительная, учитывая ее опасность, перспектива. Даже при наличии девятивольтовых фонариков.

Как только мы вошли в тоннель, на нас оглушительно об-

рушилась тишина; меня всегда удивляло, почему безмолвие звучит так громко. Примерно на полдороге Гамильтон командовал:

– Стоп! Выключайте фонари!

Мы повиновались и встали как вкопанные, вдыхая темноту. Единственным источником света осталась зажигалка Пэм, взлетающая и опускающаяся в воздухе в такт словам Гамильтона:

– Раз, два, три... Ребята, *зажигай!*

Вчетвером они мгновенно встали возле меня холодным, почти враждебным полукругом, руки скрещены на груди, губы поджаты. Только Венди выглядела чуть более милосердно; она-то давно все знала.

– Ну что ж, – нарушила молчание Пэм. – По-моему, у нас что-то неладное творится. Уж *нам-то* ты мог сказать? В общем, плюнул ты нам в душу, Ричард... *Папаша*.

Гамильтон поспешил пригрозить:

– И не думай, что тебе удастся отвертеться, Дикки.

Даже Лайнус разошелся не на шутку:

– Мы ведь его видели, ну, ребенка-то. Эту, я имею в виду, Меган, вот. Налетели на Лоис в супермаркете. Тут все верно, отпираться бессмысленно. Если, конечно, у тебя не давнишний роман с самой Лоис, в чем я почему-то ужасно сомневаюсь. Ну, так в чем дело?

Я был пойман в ловушку. И поделом.

– Ну ладно, *банда*. Добились своего, докладываю: *да*, это

наш с Карен ребенок. *(Мы так и знали! Мы так и знали!)* Родилась Меган второго сентября – в день рождения Карен. Она абсолютно нормальная, вот только у Карен все по-прежнему. Ничего похожего на пробуждение во время родов не произошло. И скорее всего она уже никогда не очнется.

Мы стояли в тоннеле, дыша так тяжело, словно находились в батискафе, – экспедиция по поиску сокровищ, выброшенных Карен с падубы океанского лайнера. Я вздохнул. Долго скрываема́я правда вырвалась у меня – сжатая огромным давлением в маленький комочек, она, расправляясь, словно большая медуза, устремилась к поверхности. Я слишком внимательно следил за тем, чтобы никто ничего не узнал, – так пугала меня перспектива того, что Карен превратят в аттракцион для журналистов. Ее родители тоже по-своему доставали меня. Лоис все демонстрировала свое превосходство, а Джордж не проявлял к Меган особого интереса. Теперь же я испытал странное чувство облегчения. У меня появилась возможность рассказать о своем отношении к Карен и Меган людям, которые будут слушать и поймут. Я говорил и говорил, а мои друзья не прерывали меня.

Когда я закончил, Пэмми сказала:

– Знаешь, Ричард. Меган так похожа на тебя, просто невероятно. Вылитый ты, разве что в чепчике.

– А то я не знал.

– Она славная, – сказала Пэм. – Я держала ее на руках. И Лайнус тоже.

– Ага, – мрачно кивнул Лайнус. – Сплошное очарование. Я ее чуть не уронил. Ей, понимаешь ли, приспичило проблеться прямо у меня на руках. Залила мне калькулятор, мой любимый Ti-55 – сам знаешь, как нежно я отношусь к своей машинке.

Мы сели на рельсы. Гамильтон достал сигарету, закурил и сказал:

– Я думаю, девочке можно только посочувствовать. Представьте себе, заполучить по наследству Ричардову рожу, а в приемные матери Лоис. Да, жизнь – жестокая штука.

Я попытался достойно ответить на такое хамство, предложив Гамильтону стать крестным отцом.

– А это подразумевает пеленки и все такое? – Физиономия Гамильтона как-то сразу скисла.

– А как же! – торжествующе ответил я. – Тысячи и тысячи акров детских какашек. В общем, договорились.

Так мы сидели и болтали, окруженные безмолвной темнотой. Затем в разговоре возникла пауза. Тут Лайнус резко нагнулся, приложил ухо к рельсу и прошептал:

– *Поезд!*

Бежать к выходу было бесполезно. Мы бросились на землю и скатились в усыпанные гравием сточные канавы по обе стороны путей. Больше всего нам в тот момент хотелось съежиться, распластаться. Через несколько секунд «Пасифик Грейт Вестерн» разорвался в тоннеле водородной бомбой – прямо над нашими головами. Сто восемь товарных вагонов,

груженых фанерой, стали сырьем для рождения сверхновой звезды в этой дыре, пробитой в гранитной толще. От поезда исходил мерцающий свет, и я смог разглядеть прямо у себя перед носом пустую винную бутылку, пожелтевшую газетную страницу шестилетней давности, какой-то носок и свернутый подгузник «Хаггис». Помелькав передо мной, эти предметы вновь погрузились во мрак, будто мимолетные угрызения совести. Дневного света им, по всей вероятности, не увидеть уже никогда. Страшноватыми казались эти выброшенные вещи, навек погребенные в недрах Земли.

Поезд грохотал над нами минут пять. Что, если мы здесь погибнем? Что останется от нас, от нашей жизни? К чему мы шли, чего добивались? Денег? Нет, пожалуй, никто из нас не ставил во главу угла финансовое благополучие. Счастья? В этом возрасте еще не представляешь себе, что возможно такое понятие, как несчастье. Свободы? Возможно. Основопологающим принципом нашей жизни в то время было то, что безграничная свобода обеспечивает возникновение общества, состоящего сплошь из уникальных, необыкновенно талантливых личностей. Крушение этого постулата означало бы, что мы не справились с возложенной на нас обществом задачей. Мы были молоды и требовали от жизни осмысленности. Мне не терпелось исполнить свой долг. Вот только какой?

Испаряющийся со шпал креозот тем временем разъедал мне слизистую оболочку носа, локоть увяз в грязи. Малень-

кие смерчки пыли били в лицо, и я закрыл глаза. Мне захотелось свернуться калачиком, чтобы хоть так защититься от грохота проносащегося поезда, этого шума, исходившего из самого центра Земли.

Сны не ведают отрицания. Ну, если вы, например, весь день думали о том, как вам *не* хочется ехать в Мексику, ночью во сне вас обязательно забросит в ее столицу. Вашему телу будет наплевать на «не» и «нет», оно среагирует только на основной предмет размышлений. Мне кажется, мы целыми днями только о том и думали, как уберечься от несчастий и как избежать потерь.

Поезд прошел. В ушах по-прежнему гудела тишина. Мы выкарабкались обратно на рельсы и мрачно побрели к выходу, под дождь. Забравшись в лайнусовский универсал, мы поехали к Мак-Нилам, в гости к Меган. Я надеялся, что Лоис обрадуется визиту четырех «дядюшек-тетушек», жаждущих разделить ее восхищение Меган.

Лайнус осторожно осведомился:

– Три месяца... она еще не говорит?

– Да ты что! – обрушился на него Гамильтон. – Она пока слишком занята генерированием случайных чисел.

Я кивнул:

– Точно. И вот еще – жалко, конечно, но бедная Меган обречена расти, представляя для многих мою копию в парике-«лентяйке».

– А я даже и не догадывался, что ты с Карен... ну, что вы занимались *этим*, – сказал Гамильтон. – То есть вы, ребята, мастерски затихарились.

– А вот представь себе, – хмыкнул я.

Мы покатали дальше, все, кроме меня, довольные жизнью. Я вспомнил, как Карен сказала: «*Ричард, будем мы наконец... или как?*» Вспомнил и лепестки, цветочки и бабочек, перелетавших между нашими телами. Отчетливо всплыла в памяти та решительность, с которой Карен пошла на это. Интересно, была бы она такой всегда, если бы не?.. Или она просто знала, что времени у нее уже нет? Пыталась успеть как можно больше в последний день?

Незадолго до того я прочитал фантастический роман «Конец детства». В нем детей со всей Земли объединяют, чтобы создать расу повелителей – коллективный разум, способный силой своего воображения сбрасывать планеты с орбит. Я задумался: а что, если бы все дети, вместо того чтобы объединяться, разбрелись кто куда, отметившись, как после окончания рабочего дня, если бы воображение их иссякло, сошло на нет? Что, если вместо объединения их мысль распалась бы на атомы, а сами они, потеряв память, впали бы в кому? Ведь Карен обрисовала мне именно такую картину: она увидела что-то внутри себя, в своем разуме, – в промежутке между бикини и коктейлями вперемешку с валиумом, между решением, надевать ли сегодня теплую куртку и лыжные ботинки. Когда она это поймала? Переключая в очередной

раз телевизионные каналы или поворачивая за угол на своей «хонде»? Но в любом случае ей удалось разглядеть – пусть и частично, фрагментами – нечто такое, что сказало ей: завтра – это не то место, где хочется оказаться, будущее – это не то место, в котором есть смысл побывать. Вот что и мучило меня уже некоторое время: а так ли уж она была не права?

9. Еще более реально, чем ты сам

Через полгода после рождения Меган Карен окончательно перевели в дом инвалидов «Инглвудский приют». Ее поместили в отдельную палату. На тумбочке у ее изголовья теснились увлажнитель воздуха, ее бижутерия, деревянная расческа, бумажные носовые платки в розовой гофрированной коробочке, открытки на день рождения (скрупулезно обновлявшиеся каждый год), семейные фотографии в рамках, плюшевые игрушки (один кот Гарфилд, два плюшевых мишки и один белый медведь), пара книг для посетителей – «Лучшее в жизни» и «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», да горшок с вьющейся диффенбахией, проворно колонизировавшей чуть не всю комнату. Ее приемник иногда часами оставляли включенным.

«День» Карен чисто технически начинался в районе полуночи, когда ее поднимали с «антипролежневого» матраса с переменным давлением и переворачивали с боку на бок. При этом осматривалась ее одежда; при необходимости производилась замена. До шести утра ее переворачивали еще дважды. Одновременно полость ее рта прочищали мягкой зубной щеткой и протирали влажной губкой; губы смазывали вазелином.

Дважды в неделю, по утрам, ей полагалась полноценная ванна. Заодно при этом медсестра выполняла комплекс «ин-

тенсивных» упражнений для подвижности плечевых, локтевых и всех прочих суставов, а также сгибательных и разгибательных мышц. В остальные дни ее обтирали губкой и проводили упрощенный комплекс упражнений.

В течение промежутков бодрствования пища поступала прямо в ее желудок – стекая под действием силы тяжести из закрепленного над кроватью пакета по трубке через постоянно установленный у нее на животе, рядом с пупком, клапан.

Карен одевали в специальную – только передняя часть, без спинки – одежду и усаживали в гериатрическое кресло-каталку с подставкой для ног и специальным приспособлением, поддерживающим голову. Она обязательно присутствовала на общем завтраке, обеде и ужине, равно как и на особых мероприятиях – просмотрах фильмов, празднованиях дней рождения и даже на церковных службах, которые проводились в приюте по воскресеньям, хотя и не каждую неделю. Между приемами пищи Карен сидела в кресле в своей комнате. Персонал приюта следил за тем, чтобы по возможности чаще менять положение ее тела.

Карен оказалась нетипичной пациенткой, в том смысле, что ее миновали или поразили лишь в легкой форме большинство сопровождающих коматозное состояние осложнений, таких как пневмония, кишечная недостаточность, инфекции мочепускающего тракта, тромбы в ногах, судороги, прободение желудка, пролежни и кожные высыпания

вследствие недостаточности кровообращения.

Считается, что с такими пациентами нужно ждать момента, чтобы «повернуть выключатель». Карен никак не попала в такую категорию. Хотя и ее семье пришлось проявлять определенный, делящийся на несколько степеней героизм, чтобы не дать ей умереть. Например, когда встал вопрос об антибиотиках для лечения воспаления легких. Джордж настоял на полноценном курсе, а Лоис демонстративно уклонилась от высказывания своего мнения. Большинство родителей пациентов, оказавшихся в коме, разводятся через несколько лет, проведенных в ссорах, взаимных упреках и самообличениях, в визитах к юристам, врачам, социальным работникам, в оплате бесчисленных счетов. Джордж и Лоис остались вместе.

– Кома – явление редкое, – как-то раз сказал мне Лайнус. – Это побочный продукт современной жизни. Ведь до Второй мировой войны такие случаи практически не наблюдались. Люди просто умирали. Коматозное состояние столь же ново и современно, как пластмасса, реактивная авиация и микросхемы.

За последующие годы Карен высохла и исхудала до такой степени, что ее тело казалось скорее искусственным сооружением – с желтоватого оттенка кожей, натянутой на скелетную основу, как на обруч барабана. Постороннему она несомненно показалась бы отвратительным на вид уродцем. Волосы стали тонкими и ломкими; сесть Карен начала в два-

дцать три года. Дышала она естественным образом, и едва слышное движение вдыхаемого и выдыхаемого воздуха было, пожалуй, единственным внешним свидетельством того, что она еще жива. Со временем врачи стали устанавливать специальные шпилнты и распорки, чтобы тело ее не скрючилось, не вернулось в позу зародыша. К удивлению медиков, этого так и не произошло. Карен оставалась податливой и расслабленной. У нее перебивало немало докторов-исследователей и студентов из Университета Британской Колумбии, интересовавшихся ее релаксированным состоянием.

Весной 1981 года Гамильтон нарисовался у меня с расщепленной губой, подбитым глазом и весь кипящий праведным гневом.

– Эта клизма Клаус въехал мне по роже штативом. Ну и хрен с ним. Передаю Пэм в полное его распоряжение.

Я поинтересовался, кто такой Клаус.

– Да новый хахаль Пэмми.

На следующий день Пэм позвонила мне, чтобы попроситься; она решила уехать с Клаусом в Нью-Йорк.

– Знаешь, Рик, он не то чтобы очень талантлив как фотограф, но он *такой* милый.

В последующие десять лет я видел Пэм только на обложках журналов да время от времени слышал ее по телефону, когда она звонила из какого-нибудь особенно экзотического места: «Привет, Ричард. Я тут в самолете, пролетаю над

Джуно¹¹ (треск в трубке). Черт, просыпала кокаин прямо на колени! Оливер, в котором часу начинается охота?.. Да нет же... это был пиджак, который остался в Мадриде... Алло, Ричард... Так на чем мы остановились?»

Гамильтон провел несколько сезонов в экспедициях, облазив все медвежьи углы на севере Британской Колумбии. Там начался его бурный роман с динамитом – вполне закономерное развитие склонности к пиромании, проявлявшейся у него с первого класса: муравейник – жидкость, разжигающая уголь для барбекю – картонные коробки из-под булочек для гамбургеров – и большое увеличительное стекло.

В 1985 году он получил диплом по геологии и допуск к взрывным работам, что дало ему возможность в течение нескольких последующих лет пребывать в подлинно счастливом состоянии – он мотался по всей провинции, взрывая горы, превращая скалы в щебень.

Лайнус стал инженером-электротехником, что никого не удивило. После окончания учебы он перебрался в центр – поближе к новой работе. Виделись мы редко. Его жизнь казалась скучной. Он слишком рано повзрослел.

Добродетельная Венди поступила в университет учиться на врача-реаниматолога. Жизнь студента-медика такова, что следующие десять лет виделись мы с Венди лишь когда она, измученная недосыпанием, всплывала глотнуть воздуха – красные глаза, мятая одежда и озабоченное лицо с сеточкой

¹¹ Город на Аляске.

морщин у глаз. Пообедав с ней как-то раз, мы с Гамильтоном узнали об основных кошмарах медработника: тридцатишестичасовой рабочий день, склочные дежурные сестры и вредоносные бактерии, притаившиеся на каждом шагу.

– Я почти все время ощущаю себя пакетом со скисшим молоком, – сказала Венди. – Но мне нравится эта работа.

Гамильтон извлек из кармана пузырек с «Визином» и сказал Венди, чтобы та запрокинула голову. Закапав ей в глаза, он пояснил: не желаю, чтобы на меня смотрели таким забитым взглядом.

– Ну как – лучше стало? – спросил он.

– Да. Спасибо, Гэм.

– Оставь флакончик себе. Я его специально тебе купил. Прогоуляться не хочешь – на залив, в Эмблсайд?

– Я бы с удовольствием, но у меня ночная смена. Через четверть часа уже нужно быть на работе.

Я же... мне пришлось пойти работать на Ванкуверскую фондовую биржу. Работа была доходная, но наводила на меня такую тоску – просто слов нет, чтобы толком описать.

Меган с самого начала знала, что я ее отец. С Карен дело обстояло по-другому. Однозначно верным или неверным не могло быть ни одно решение. Вариант – не говорить ей о Карен – дался нам нелегко. А как еще? Сказать ребенку, что Карен умерла? Это значит обмануть ее. Бесконечно повторять, что она надолго уехала? Чушь. Сказать, что Карен

больна? «Но тут возникает другая проблема, – заметил мой отец. – Меган сразу же захочет поведать ее. А хотя мы все и любим Карен, нельзя не признать, что показывать ее ребенку не только страшновато, но и попросту жестоко».

В итоге мы пришли к выводу, что к семи годам Меган повзрослеет достаточно, чтобы познакомить ее с Карен. А до тех пор решено было ссылаться на болезнь Карен и обещать, что мы ее увидим, но нескоро. Меган все же задавала неизбежные вопросы: «Папа, а мама – она какая? Ну та, моя *настоящая* мама». Это четко сделанное ребенком разграничение, вполне естественное и предсказуемое, заставляло Лоис скрипеть зубами от злости.

«А мама что – умерла? А моя мама красивая? А мама любит лошадок? Если мама придет к нам в гости, она поможет мне убраться в комнате?»

В 1986 году Меган с огромной радостью пошла в первый класс. Каждое утро она стремительно вскакивала с кровати и вылетала из дома через кухонную дверь – небезуспешно избегая очередной порции нравоучений или ругани Лоис. Никакие внеклассные занятия не были для нее слишком утомительны, никакие уроки музыки – слишком длинны или скучны.

Меган действительно начала жизнь, как я и предполагал: моей копией в парике-«лентяйке». У нее были прямые, как струи дождя, красивые волосы. Но все же судьба сжалась над нею. Когда сошел младенческий жирок, в Меган стали

проявляться самые очаровательные черточки Карен. Внутренне мы все вздохнули с облегчением.

Иногда я забирал Меган из школы и отвозил домой.

– Дзинь-дзинь, привет, Лоис...

– Знаешь, Ричард, я ума не приложу, почему ей так нравится школа. У нее же здесь все есть – полно игрушек, и я готова все время развлекать ее и воспитывать – от зари до зари хватит. Не понимаю, что она так рвется к тебе. Нет, ты только не обижайся, но ведь у вас дома нет ничего для ребенка. Ни единой вещички. Я заходила к вам на той неделе и специально, пока пила кофе, присмотрелась: во всем доме я нашла единственный мячик – да и тот, как оказалось, предназначен Чарли (это наша собака – золотистый ретривер). Придется теперь быть поостроже, а вы постарайтесь придумать более содержательную программу занятий для ребенка. Меган, иди сюда, сейчас будем играть в карточки со словами. До свидания, Ричард. И, кстати, подстригись. Сейчас в моде более короткие волосы, а ты как-никак отец.

Дверь закрыта; за ней – приглушенные, раздраженные голоса: Меган стонет, когда перед ней выкладывают стопку карточек с картинками и французскими словами. Бедный ребенок!

Вскоре после того, как Меган пошла в школу, ее одноклассники, маленькие, жестокие по незнанию хулиганы, наслушавшись чего-то от родителей, которые сами слышали

что-то в универсаме «Супер-Вэлью» от того, кто, в свою очередь, где-то что-то слышал, сообщили Меган, что ее мама – «овощ». Как и положено в этом возрасте, они выкрикивали ей вслед на детской площадке целый список. «Салат. Кукуруза. Зеленый горошек. Морковка. Мама Меган – морковка!» Ну, и дальше в том же духе. В день биржевого краха 1987 года, буквально через несколько минут после того, как до меня окончательно дошло, что я потерял все свои активы, мне позвонил директор школы. Лоис дома не было, и он набрал мой номер. Мне было сказано, что Меган «не в себе». Я поскорее забрал дочку, и мы долго бесцельно кружили по нашему району – винный запах хрустящих, готовых опасть листьев, длинные осенние тени. Радио я не включал.

– Что случилось, солнышко?

– Папа, все говорят, что моя *настоящая* мама – морковка.

– Но ведь это не так. Сама понимаешь, так не бывает.

– Значит, петрушка?

– Господи, Меган, что ты мелешь? Никакая она не петрушка и вообще – никакой не овощ! Чушь какая-то!

– Тогда почему все говорят, что она – морковка?

– Потому что дети – жестокие. Понимаешь, Меган, они говорят глупости, жестокие злые глупости, сами не понимая, что и зачем они повторяют.

– А я раньше была морковкой?

Я затормозил перед светофором на Хэдден-драйв.

– Стоп, Меган.

Меган вдруг открыла дверцу и бросилась бежать в парк, окружавший поле для гольфа. Черт! Я бросил машину на светофоре – с ключами в замке зажигания, двери нараспашку, – и побежал вслед за дочерью. К счастью, эти места я знал не хуже, чем всякий здешний ребенок, – сколько времени было проведено здесь по молодости!

– Меган, иди сюда!

– Хрум-хрум-хрум.

Что за дурацкий звук она изображает? Я пошел на голос, перелез через какие-то бревна с гроздьями поганок и вышел на поляну, где в школьные годы мы провели немало пятничных и субботних вечеров. Меган сидела скрючившись, как в утробе, возле гнилого ствола дерева, спиленного, наверное, едва ли не в двадцатых годах.

– Хрум-хрум-хрум.

– Меган, вот ты где!

Я остановился, чтобы перевести дух, и огляделся. В нескольких шагах от меня, там, где листва слишком плотно закрывала землю от солнца, в лесном ковре образовалась проплешина. Помимо прошлогодних еловых, сосновых и кедровых иголок, это место было усеяно смятыми сигаретными пачками, пожелтевшими обрывками порножурналов, конфетными фантиками, презервативами, старыми батарейками и даже сорванными с капотов «мерседесов» звездами.

– Хрум!

– Меган, что это за звук такой?

– Хрум.

Все ясно. В эту игру положено играть вдвоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.